

INSPIRIA

КОТАРО ИСАКА

ПОЕЗД УБИЙЦ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЯПОНИИ

推理

ПРОДАНО ОКОЛО 1 000 000 КНИГ

 INSPIRIA

Котаро Исака
Поезд убийц

Кимура

На станции Токио не протолкнуться. Прошло уже довольно много времени с тех пор, как Юити Кимура бывал тут в последний раз, так что он не может сказать, является ли такая сутолока здесь делом обычным. Он не удивился бы, если б кто-нибудь сказал ему, что сегодня где-то поблизости проводится какое-нибудь особенное мероприятие. Сдавленный со всех сторон другими пассажирами, Кимура вспоминает о программе, которую однажды смотрел вместе с Ватару по телевизору, – там пингвины точно так же плотно прижимались друг к другу. «По крайней мере, у пингвинов был на то резон, – думает Кимура, – там, где они живут, ужасно холодно».

Он ждет, пока в сплошном потоке людей не появится небольшой просвет, ныряет в проем между рядами сувенирных магазинов и киосков и ускоряет шаг. По лестнице из нескольких ступеней поднимается к турникетам синкансэнов. Проходя через автоматические ворота, ощущает напряжение, смешанное со страхом: что, если они каким-то образом обнаружат пистолет, спрятанный у него во внутреннем кармане, – ворота мгновенно блокируются, его окружает полиция... Но ничего подобного не происходит. Он немного замедляет шаг и бросает короткий взгляд на табло, уточняя номер платформы, с которой отправляется его поезд – синкансэн «Хаятэ»^[1]. Поблизости стоит полицейский в синей форме, но он, кажется, не обращает на Кимуру никакого внимания.

Мимо бегом проносится мальчонка с рюкзаком – на вид ученик младшей школы. Кимура тотчас опять вспоминает о Ватару, и в груди у него начинает щемить. Он представляет своего милого мальчика, распростертого без сознания на больничной койке, ни на что не реагирующего. Мать Кимуры, увидев его, разразилась рыданиями: «У него такие глаза, такое лицо, будто он прекрасно понимает все, что происходит вокруг! Будто он просто уснул! Это невыносимо!»

Одна мысль об этих словах заставляет Кимуру почувствовать себя так, словно его режут изнутри.

Негодяю не будет прощения. Если кто-то может столкнуть шестилетнего мальчика с крыши универмага и спокойно продолжать ходить и дышать, – значит, что-то с этим миром не так. В груди у Кимуры снова саднит – на этот раз не от грусти, а от ярости. Сбравшись с силами, он направляется к эскалаторам. «Я бросил пить. Я могу идти прямо. Мои руки не дрожат». И сжимает покрепче бумажный пакет, на котором красуется заглавный иероглиф одного из токийских сувенирных магазинов.

Синкансэн «Хаятэ» уже стоит на пути, ожидая отправления. Кимура бросается к нему, словно опаздывает, и впрыгивает в ближайшие раскрытые двери третьего вагона. Согласно информации, полученной от его бывших коллег по работе, цель находится в седьмом вагоне на пятом тройном ряде кресел. Он войдет через предыдущий вагон, чтобы подобраться к нему со спины, – таков план. Со спины проще, да и его лицо никто не увидит.

Кимура делает шаг внутрь вагона. Слева находится ниша с умывальником, и он задерживается возле зеркала. Плотно задергивает за собой занавеску. Рассматривает свое отражение. Волосы в беспорядке, в углах глаз – комочки загустевшей слизи. Усы торчат во все стороны, даже мягкие волоски пуха на лице выглядят загрубевшими. Короче говоря, вид такой, что сам от себя убежал бы, если б мог. Он моет руки, ожесточенно растирая кожу, пока вода не выключается автоматически. Пальцы дрожат. «Это не из-за алкоголя, просто нервы», – убеждает он себя.

Кимура не пользовался пистолетом с того самого времени, как родился Ватару. Только при переезде, когда он упаковывал вещи, пистолет попался ему на глаза, и он взял его в руки. Теперь в глубине души он радуется, что тогда не выбросил его. Пистолет – полезная штука, когда хочешь немного припугнуть своего собеседника и доступно объяснить этому ублюдку, что тот перешел границы.

Зеркало покрыто сетью трещин, его поверхность кое-где провалилась, а где-то, наоборот, вспучилась, и лицо в отражении искажается подобием ухмылки. Оно как будто говорит ему: «Что было, то прошло. Ты и впрямь сможешь нажать на спусковой крючок? Ты ведь просто алкаш, даже мальчика своего защитить не смог...»

– Я бросил пить.

«Твой сын в больнице».

– Я достану этого ублюдка.

«Не думаешь, что сможешь его простить?»

Клубящийся ком эмоций в его голове обращается бессмыслицей и взрывается.

Кимура сует руку во внутренний карман своей черной спортивной куртки и достает пистолет, затем вытаскивает из бумажного пакета узкий цилиндр глушителя. Приставляет его к дулу, закручивает до упора. Конечно, глушитель не погасит звук выстрела полностью, но на малыше калибра .22 сведет его к безобидному «тонк!» – тише выстрела из детского пистолета.

Кимура смотрит в зеркало еще раз, кивает своему отражению, возвращает пистолет в пакет и выходит в пространство вагона.

Девушка-проводница в проходе готовит тележку с товарами, и он практически врезается в нее. Он ей мешает, надо бы отойти, но Кимура ловит себя на мысли, что не может оторвать взгляда от стоящих в тележке банок с пивом, и поспешно ретируется.

«Запомни, один глоток – и все кончено, – проносятся у него в памяти слова отца. – Алкоголизм неизлечим. Всего один глоток – и ты опять в его власти».

Кимура заходит в четвертый вагон и идет вперед по проходу. Мужчина, сидящий слева, устраивается поудобнее на своем месте и задевает Кимуру ногой, когда тот проходит мимо. Пистолет надежно спрятан в бумажном пакете, но из-за глушителя он стал длиннее и слегка цепляется за ногу мужчины. Кимура поспешно отдергивает пакет и прижимает его к себе.

Нервы его на пределе, и в нем мгновенно вскипает бешенство. Он смотрит на пассажира, готовый дать сдачи: у того лицо хорошего парня, очки в черной оправе, он кротко склоняет голову и бормочет извинения. Кимура прикусывает язык и отворачивается, уже собираясь продолжить свой путь, когда хороший парень вдруг окликает его:

– У вас пакет порвался. Всё в порядке?

Кимура останавливается и проверяет, в чем дело. И правда, в пакете дыра, но из нее не торчит ничего такого, в чем можно было бы безошибочно опознать пистолет.

– Не твое дело, – огрызается Кимура и идет дальше.

Он покидает четвертый вагон, ускоряя шаг все больше по мере приближения к цели – пятый вагон, шестой...

Ватару однажды спросил его: «А как так вышло, что первый вагон синкансэн находится сзади?» – само собой, это было, когда Ватару еще... бодрствовал.

Мать Кимуры ответила:

– Какой вагон ближе к Токио – тот и первый.

– Как это так, папочка?

– Ближайший к Токио вагон – первый, следующий за ним – второй. Так что когда мы едем туда, где твой папа родился, первый вагон оказывается в хвосте, а когда возвращаемся обратно в Токио, он становится головой поезда.

Отец Кимуры добавил:

– Когда синкансэн едет в Токио, о нем говорят, что он *поднимается в гору*, а поезда, едущие из Токио, *спускаются с горы*. Так что все крутится вокруг Токио^[2].

– Дедуля и бабуля, вы всегда поднимаетесь к нам в гору! Вам же это так трудно, наверное!

– Все потому, что мы очень хотим увидеть тебя. Так что нам приходится взбираться на гору.

– Но ведь за вас это делает синкансэн!

Отец внимательно посмотрел на Кимуру.

– Ватару – очаровательный ребенок. Трудно поверить, что он твой сын.

– Тоже все время задаю себе этот вопрос. Хотел бы я посмотреть в лицо его настоящему отцу...

Родители пропустили мимо ушей его колкое замечание и продолжили свою беспечную болтовню: «Хорошие гены передаются через поколение»...

Кимура входит в седьмой вагон. С левой стороны двойные ряды кресел, с правой – тройные, все одинаково развернуто спинками к нему. Он сует руку в пакет, сжимает пальцами рукоятку пистолета, затем идет вперед – шаг, другой, – считая ряды кресел.

Пустых мест больше, чем он ожидал, тут и там один-два пассажира, будто дождик накрапал. На пятом ряду, возле окна, Кимура замечает затылок подростка. Парень сидит с прямой спиной, из-под пиджака выглядывает ворот белой рубашки. Аккуратная стрижка – ни дать ни взять студент с доски почета. Он поворачивает голову, чтобы посмотреть в окно, и зачарованно наблюдает за тем, как другой синкансэн прибывает на станцию.

Кимура подходит ближе. Когда между ним и подростком остается всего один ряд сидений, он какое-то мгновение колеблется – «неужели я и вправду собираюсь причинить вред ребенку, который выглядит таким невинным?». Узкие плечи, хрупкое сложение. Обычный старшеклассник, тихо радующийся своей самостоятельной поездке на синкансэне. Тугой узел напряжения и ярости внутри Кимуры чуть-чуть ослабевает.

А потом перед его глазами рассыпается сноп искр.

Сначала ему приходит мысль, что что-то случилось с электрическими системами поезда и где-то произошло короткое замыкание. Но нет, это его собственная нервная система – в долю секунды она выходит из строя; сначала искры, а затем – кромешная темнота. Подросток, сидевший у окна, разворачивается – так быстро, что Кимура и глазом не успевает моргнуть – и тычет какой-то штукой ему в бедро. Похожей на здоровенный пульт от

телевизора. К тому моменту, когда Кимура понимает, что это самодельный электрошокер – тот самый, о котором говорили те пацаны из средней школы, которых он тогда прищучил, – его тело парализовано от кончиков пальцев до мозга костей, и каждый волос на его теле стоит дыбом, наэлектризованный.

Когда он открывает глаза, то обнаруживает, что сидит в кресле возле окна. Руки его связаны спереди. Лодыжки тоже – перемотаны крепкой веревкой и вдобавок скотчем. Он может согнуть руки или ноги, но его тело не сдвинется при этом ни на сантиметр.

– Ты и вправду глупый, дедуля. Вот уж не ожидал, что тебя так легко просчитать... Да уж, ты надежнее любой компьютерной программы. Я знал, что ты придешь за мной, дедуля, и зачем ты придешь, тоже знал... – Мальчишка сидит слева от него на соседнем кресле и болтает как ни в чем не бывало. В его веках с верхней складкой и правильном носе сквозит что-то почти женственное.

Этот мальчишка, ради развлечения столкнувший сына Кимуры с крыши универмага, должно быть, еще только учится в старшей школе, но говорит он с такой уверенностью, будто прожил несколько человеческих жизней.

– Понимаю, что повторяюсь, дедуля, но я правда удивлен, что все прошло так гладко. Жизнь – хорошая штука. К тебе это, правда, не относится, ты уж меня извини. Особенно после того, как тебе пришлось отказаться от твоего любимого пойла и всего себя посвятить этому...

Фрукты

– Как твоя рана? Все нормально? – спрашивает Мандарин, сидящий на месте у прохода, у Лимона, который сидит возле окна.

Они в третьем вагоне, на десятом тройном ряде кресел. Лимон смотрит в окно, бормоча себе под нос: «Зачем только было списывать пятисотую серию? Они мне нравились – те, с голубыми вагонами^[3]». Как будто только теперь услышав обращенный к нему вопрос, он хмурится: «Какая еще рана?» Его длинные непослушные волосы торчат прядями во все стороны, прямо как львиная грива – трудно сказать, укладывает ли он их так специально или просто поленился причесывать, встав утром с кровати. В выражении его глаз и презрительно искривленной линии рта читается полное равнодушие не только к работе, но и вообще ко всему, что происходит вокруг. Мандарин рассеянно гадает, является ли это следствием врожденных черт личности его компаньона, или же это окружающий мир повлиял на него таким образом.

Мандарин уточняет:

– Ну, та самая, которую ты получил вчера, когда тебя порезали ножом. Рана на твоей щеке.

– Когда это меня порезали?

– Когда мы спасали того богатенького парнишку.

Мандарин показывает пальцем на юношу, сидящего между ними на центральном сиденье. Совсем молодой, на вид только исполнилось двадцать, длинные волосы. Он молча переводит взгляд то на Лимона, то на Мандарина. Выглядит он сейчас значительно лучше, чем ночью, когда они его спасли, даже слабый румянец на щеках проступил. Нашли они его связанным, а перед тем, как связать, над ним еще хорошенько поработали, применив достаточно грубой силы, так что он весь трясся мелкой дрожью и никак не мог остановиться. Надо же, меньше чем за сутки почти пришел в норму...

«Может статься, внутри у него ничего и не происходит, и все случившееся никак не отразилось на его душе», – думает Мандарин. Такое часто случается с людьми, которые не читают художественной литературы. Внутри они пусты и однотонны, для них проще простого переключить передачу: сменил режим – и *полный порядок*. Стоит им проглотить какую-нибудь ситуацию, как они тотчас забывают о ней, едва та проскочит по их пищеводу, так что они просто физиологически не способны сопереживать чувствам окружающих. Именно им художественная литература нужнее всего, но в большинстве случаев они приходят к ней слишком поздно.

Мандарин смотрит на свои наручные часы. Девять утра. Значит, прошло ровно девять часов с того времени, как они спасли парня. Его держали в здании в районе Фудзисава Конго^[4], в комнате на третьем подземном этаже. Он – единственный сын Ёсио Минэгиси, и Мандарин и Лимон вытащили его из этой передраги.

– Я не такой идиот, чтобы дать порезать себя ножом да еще и получить рану на лице, так что оставь меня в покое.

Мандарин и Лимон примерно одного роста, около ста восьмидесяти сантиметров, и у обоих одинаковое худощавое сложение. Люди часто думают, что они братья, даже близнецы. Близнецы – наемные убийцы... Когда кто-нибудь высказывает предположение, что они братья, Мандарин испытывает глубочайшую фрустрацию, граничащую с ужасом. Невероятно, что кто-то может ассоциировать его с кем-то настолько безрассудным и поверхностным. Впрочем, Лимона-то это уж точно не беспокоит: такие сложные переживания не могут прийти ему в голову. Один из их заказчиков как-то раз обмолвился, что с Мандарином иметь дело легко, а Лимон кого угодно может выбесить до белого каления. Прямо как с настоящими фруктами – никому не захочется есть кислый лимон. Вот уж действительно...

– Ну и откуда у тебя тогда этот порез на щеке? У тебя там красная полоса оттуда досюда. Да я и сам слышал, как это произошло: тот

мелкий якудза обошел тебя и саданул ножом в щеку, и ты закричал от боли.

– Мне бы не пришло в голову поднимать крик из-за такого пустяка. Если я и кричал, так это только потому, что завалить того сопляка было не сложнее, чем выдрать зуб. Так что я кричал от разочарования. Типа – *да неужто он реально такой слабак?! Так что эта штука на моем лице точно не от лезвия. Это обыкновенная экзема. У меня аллергия.*

– В жизни не видел экземы, которая выглядела бы как рана.

– А ты что, *создатель экзем?*

– Я – что? – Мандарин даже рот открывает от удивления.

– Ну, я спрашиваю, ты что, самолично создал все экземы и аллергии на свете? Нет? Или, может быть, ты занимаешься критикой аллергий и хочешь оспорить мою личную двадцативосьмилетнюю аллергическую историю? Что конкретно ты хочешь узнать про экземы?

– Ничего я не отрицаю. И никакой я не создатель экзем. Вот только никакая это у тебя не экзема.

Всегда с ним вот так. Чуть что, так Лимон сразу взъерепенивается и начинает сыпать дикими предположениями, которые он сочиняет прямо на ходу. Вне зависимости от того, отрицает ли Мандарин брошенные ему в лицо обвинения или просто перестает его слушать, он все равно не затыкается. Но теперь они слышат доносящиеся с центрального сиденья тихие неуверенные звуки (их и словами-то не назовешь), которые издает молодой Минэгиси:

– Э-это... прошу прощения...

– Чего тебе? – спрашивает Мандарин.

– Чего тебе? – спрашивает Лимон.

– Это... ну... как там вас двоих зовут?

Обнаруженный ими ночью, он был накрепко привязан к стулу и настолько обессилел, что походил на безжизненную тряпичную куклу. Когда Мандарин и Лимон пытались его растолкать, он бормотал только: «Простите меня, простите меня...» – больше от

него ничего невозможно было добиться. Мандарин подумал, что парень, должно быть, вообще не соображал, что с ним такое происходит.

– Я Дольче, а он Габбана, – говорит он первое, что приходит ему в голову.

– Не, – мотнув головой, возражает Лимон. – Я Дональд, а он Дуглас.

Успев только спросить, что это за имена такие, Мандарин вспоминает, что это персонажи из «Томаса и его друзей»^[5]. О чем бы ни шла речь, Лимон всегда умудряется свести разговор к этому мультиту. Детское телевизионное шоу с многолетней историей, снятое про железную дорогу, да еще и вместо нарисованных персонажей – настоящие кукольные модели поездов, – Лимон его просто обожает. Как только ему подворачивается случай вернуть какую-нибудь аллегорию касательно человеческой жизни, он обязательно вспоминает соответствующий эпизод из «Томаса и его друзей». Как будто все, что он знает о жизни и счастье, было почерпнуто им именно оттуда.

– Мандарин, я что, раньше тебе об этом не рассказывал? Дональд и Дуглас – это два черных паровоза, братья-близнецы. Разговаривают они всегда очень вежливо. Типа, *так-так, а это не друг ли наш Генри?* – вроде того. Когда кто-то говорит таким манером, это всегда производит хорошее впечатление – сразу понятно, что у говорящего добрые намерения. Уверен, что ты со мной согласишься.

– А я вот не уверен.

Лимон роется в кармане своей куртки и извлекает оттуда глянцевую карточку размером с записную книжку. Тычет в нее пальцем. «Гляди, это Дональд». Там целая компания поездов, наклейки с Томасом и его друзьями. Один из поездов черный.

– Сколько бы я тебе ни говорил, ты не способен запомнить их имена. Такое ощущение, что ты вообще не стараешься.

– Не стараюсь.

– С тобой можно просто со скуки подохнуть... Слушай, давай я дам их тебе, чтобы ты смог выучить имена. Вот, смотри, все они тут – от Томаса до Оливера, все выстроились в ряд. Даже Дизель есть... – Лимон начинает перечислять имена одно за другим.

– Да понял я уже, понял, прекрати это. – Мандарин возвращает ему листок с наклейками.

– Простите, так как вас двоих все-таки зовут? – снова встречается мелкий Минэгиси.

– Рюноскэ Акутагава и Мотодзиро Кадзии^[6], – говорит Мандарин.

– Билл и Бен тоже близнецы, и Гарри и Барт тоже.

– Мы с тобой *не* близнецы.

– Тогда... уважаемые Дональд и Дуглас, – серьезно говорит мальчик. – Это мой отец нанял вас, чтобы меня спасти?

Сидящий возле окна Лимон почесывает за ухом, потеряв интерес к разговору.

– Ага, можно и так сказать. Хотя, по правде говоря, от этой работы было бы непросто отказаться. Твой уважаемый отец не из тех, кому отказывают.

– Да уж, он действительно внушает страх, – соглашается Мандарин.

– Любопытно, а с точки зрения его любимого сыночка, он тоже такой страшный? Или из-за того, что ты его единственный любимый сыночек, он тебя балует, а? – Лимон тыкает мальчишку кончиком пальца – совсем легонько, но парень подпрыгивает как ужаленный.

– Ай... нет, я думаю, он совсем не страшный.

Мандарин кисло улыбается. Кажется, он начинает потихоньку привыкать к специфическому запаху сиденья синкансэна.

– А ты знаешь о делах, которые творил твой отец во время его пребывания в Токио? Из славных и жутких историй можно сложить целую гору. Как, например, одна женщина задолжала ему денег и опоздала на пять минут ко времени возвращения долга, а он ей за это руку отрубил по самое плечо? Не палец, нет, – руку. И не за пять часов просрочки, а за пять минут. За это – руку... – Мандарин

обрывает себя на полуслове, подумав, что синкансэн, наверное, не самое лучшее место для обсуждения кровавых подробностей.

– Ну да, я слышал об этом, – равнодушно говорит богатенький мальчишка. – А потом он сунул ее в микроволновку, ага... – Словно рассказывал о том, как его отец тренировался в приготовлении нового блюда.

– Так ты знаешь об этом? – Лимон наклоняется вперед и снова тыкает мальчишку пальцем, на этот раз чуть сильнее. – А когда один мужик не вернул ему деньги, он похитил его сына, а потом поставил этого мужика и его сына друг напротив друга и каждому дал в руку по канцелярскому ножу...

– Ну да, это я тоже знаю.

– Знаешь? – потрясенно переспрашивает Мандарин.

– Однако в уме твоему отцу не откажешь. Все у него решается просто. «Если кто-то становится проблемой – убей его, – так он говорит, – а если что-то причиняет беспокойство – забудь об этом». – Лимон наблюдает в окно за тем, как стоявший на соседнем пути поезд покидает станцию. – Давным-давно в Токио жил один мужик, Тэрахара его звали, который устроил настоящую войну якудза и заработал целую кучу денег...

– Да, его организация называлась «Рэйдзё»^[7]. Я знаю, слышал о нем.

«Мальчишка, похоже, постепенно все больше осваивается, и к нему возвращается его обычная манера вести себя», – с неприязнью отмечает про себя Мандарин. Он с удовольствием почитал бы историю о высокомерном испорченном подростке в каком-нибудь романе, но ему совершенно не хочется иметь с таким дело в реальной жизни. В данном случае он не испытывает ничего, кроме гнева.

– «Рэйдзё» перестала существовать лет шесть или семь назад, – продолжает Лимон. – Тэрахара и его сын погибли, и организация распалась. Твой отец сразу смекнул, что дело пахнет жареным, так

что он быстренько собрался и уехал из города – на север, в Мориока^[8]. Как я и говорил, в уме ему не откажешь.

– Большое вам спасибо.

– За что ты меня благодаришь? Я и не думал хвалить твоего папашу. – Лимон провожает взглядом белый синкансэн, исчезающий вдаль, на лице его отражается грусть расставания.

– Нет-нет, я хотел поблагодарить вас за то, что вы спасли меня. Я думал, мне конец. Они меня связали – их, наверное, было человек двадцать... Заперли меня под землей. И у меня было такое чувство, что даже если мой отец заплатит выкуп, который они с него потребовали, они все равно убьют меня. Кажется, они по-настоящему ненавидели отца. Так что я был уверен, что моя жизнь кончена.

По мере того как богатенький мальчишка становится разговорчивее, выражение лица Мандарина делается все более кислым.

– Ты очень проницателен. Во-первых, твоего отца все ненавидят. Не только те ребята. Я бы сказал, что проще найти, скажем, бессмертного человека, чем человека, который не ненавидел бы твоего отца. А во-вторых, как ты и предположил, они убили бы тебя тотчас же, когда получили бы за тебя выкуп, тут не может быть никаких сомнений. Так что в тот самый момент, когда ты подумал, что ты – мертвец, ты был чертовски прав.

Находившийся в Мориока старший Минэгиси связался с Мандарином и Лимоном и передал им свое поручение: отвезти выкупные деньги похитителям и спасти его сына. На словах-то все это звучало довольно просто, вот только чтобы выполнить это задание, нужно было, как говорится, поломать себе кости^[9].

– Твой папочка был очень точен относительно деталей, – бубнит Лимон, загибая пальцы один за другим. – Спасите моего сына. Верните выкуп. Убейте всех похитителей. Так что все его мечты исполнены.

Старший Минэгиси четко расставил приоритеты. Главное – спасти жизнь его сына, потом деньги, потом – смерть похитителей.

– Но, господин Дональд, вы с другом со всем блестяще справились. Просто блестяще! – Глаза мальчишки сияют от восторга.

– Слушай, Лимон, а где чемодан? – Мандарин чувствует внезапный укол беспокойства. Лимон должен был нести чемодан с выкупом. Это был чемодан с отличной крепкой ручкой. Недостаточно большой для заграничного путешествия, но и не слишком маленький, в самый раз для такого дела. И сейчас его не было видно ни на багажной полке, ни сбоку от сиденья, ни где-либо еще.

– А-а, Мандарин, ты меня плохо слушал! – весело отзывается Лимон, откидываясь назад и устраивая ноги на спинке впереди стоящего кресла. Затем он начинает рыться в своих карманах. – Вот куда я положил чемодан...

– В карман? Но чемодан не поместится в твой карман.

Лимон смеется, хотя никому, кроме него, здесь совсем не весело.

– Точно. Все, что есть у меня в кармане, – это маленький клочок бумаги. – Он достает из кармана бумажку размером с кредитную карту и помахивает ею в воздухе.

– Что это? – Мальчишка тянется к бумажке, чтобы получше ее рассмотреть.

– Это лотерейный билет из супермаркета, в который мы заходили по пути сюда. Каждый месяц в определенный день они разыгрывают призы. Вот, гляди, первый приз – туристическая путевка... Ну и они тут, должно быть, напутали, забыли проставить срок окончания действия, так что ты можешь использовать его тогда, когда тебе заблагорассудится!

– Можно мне его взять?

– Ну уж нет, тебе я его отдавать не собираюсь. Зачем тебе билет в путешествие? Папочка может оплатить тебе любую поездку. Так что у тебя есть все папочкины билеты, разве нет?

– Слушай, Лимон, лотерейные билеты – это, конечно, здорово, но, может, ты расскажешь мне, куда подевал этот чертов чемодан? – У

Мандарина отвратительное предчувствие, и в голосе его сквозит нарастающее напряжение.

Лимон смотрит на него с выражением полного превосходства.

– Поскольку ты удручающе плохо разбираешься в устройстве железной дороги, я, так и быть, объясню тебе на пальцах. В современных синкансэнах между вагонами находятся довольно большие отделения для хранения багажа. Там можно оставить дорожные чемоданы, экипировку для лыжного спорта – все в этом роде.

Мандарин на мгновение лишается дара речи. Ему кажется, что кровь в сосудах его головы сейчас превратится в лед, и чтобы как-то ослабить это ощущение, он рефлекторно сжимает руку сидящего по соседству мальчишки. Тот вскрикивает от боли и делает попытку пожаловаться, но Мандарин не обращает никакого внимания на его хныканье.

– Лимон, тебя что, родители не учили всегда держать при себе ценный багаж? – Мандарин с трудом справляется с собой, чтобы его голос звучал спокойно.

Лицо Лимона тотчас краснеет от возмущения.

– Ты сейчас о чем вообще?! – орет он в ответ. – Где ты тут видишь место, куда я мог бы поставить чемодан?! Здесь, если ты не заметил, сидят трое мужчин; куда тут воткнешь еще и чемодан?! – На мелкого Минэгиси летят брызги его слюны. – Мне нужно было поставить его *куда-нибудь!*

– Мог бы засунуть его на багажную полку у нас над головами.

– Это не ты его тащил, так что тебе не понять! Эта штука довольно тяжелая!

– Я нес его некоторое время; он не настолько тяжелый.

– А ты не подумал о том, что всякий, кто заметил бы двух подозрительных типов вроде нас с тобой, да еще с чемоданом, сразу смекнул бы: «Ага, они наверняка тащат чемодан, набитый деньгами!» Не подумал об этом, а?!

– Ничего такого не случилось бы.

– Еще как случилось бы! И к тому же, Мандарин, тебе прекрасно известно, что мои родители погибли в дорожной аварии, когда я был еще в детском саду. Так что они не успели меня ничему научить. А если б успели – думаю, сказали бы мне, что нельзя ставить чемоданы рядом со своим сиденьем.

– Хватит чушь пороть.

Мобильный телефон в кармане штанов у Мандарина начинает звонить, издавая слабую вибрацию, от которой все волоски на его коже становятся дыбом, как будто началось настоящее землетрясение. Он достает телефон, смотрит на имя звонящего, и лицо его искажается кривой ухмылкой.

– Это твой папочка, – говорит он богатенькому мальчишке.

Когда Мандарин встает со своего места и направляется в проход, синкансэн начинает движение.

Автоматические двери открываются – делая шаг в тамбур, Мандарин нажимает зеленую кнопку ответа и прижимает трубку к уху. В ней раздается голос старшего Минэгиси.

– Как все прошло? – Он говорит спокойно, но его слова оказывают на собеседника нужное воздействие.

Мандарин подходит ближе к окну и провожает взглядом проносящийся снаружи пейзаж.

– Поезд только что выехал со станции.

– Мой сын в безопасности?

– Если б это было не так, я не ехал бы сейчас на синкансэне.

Затем господин Минэгиси интересуется судьбой денег и похитителей. По мере того как поезд набирает скорость, его становится слышно все хуже. Мандарин отчитывается о положении дел.

– Как только вы доставите мне сына целым и невредимым, можете считать вашу работу выполненной.

«Ты сидишь там в своем частном доме в полной безопасности, хочешь сказать, ты и вправду так беспокоишься о своем

мальчике?» – хочет ответить Мандарин, но вовремя прикусывает язык.

Телефон уже молчит – звонок окончен. Мандарин поворачивается, чтобы вернуться в вагон, но в проходе неожиданно сталкивается нос к носу с Лимоном и растерянно останавливается. Странное это чувство, когда вот так столкнешься с кем-нибудь примерно одного с тобой роста – все равно как встретиться с зеркалом. Но тот, кого он видит перед собой, обладает гораздо менее сложным мышлением и гораздо хуже воспитан, чем он сам, и Мандарину приходит в голову странная мысль, что это его собственные дурные черты приняли форму человека и подкараулили его в коридоре синкансэнэ.

Лимон выглядит так, будто вся присущая ему нервозность отражается сейчас на его лице.

– Мандарин, это плохо.

– Плохо? Что именно плохо? Избавь меня от своих «плохо», сделай милость.

– Но к тебе это тоже относится.

– Что случилось?

– Ты мне говорил положить чемодан с деньгами на багажную полку, помнишь?

– Ну, говорил.

– Мне эта твоя идея понравилась, так что я пошел в багажное отделение, чтобы взять его. Ну, в отсек для хранения багажа – в другом конце вагона.

– Прекрасная идея. И что?

– Его нет.

Мандарин и Лимон опрометью мчатся через третий вагон – к багажному отделению на его противоположном конце. Багажное отделение находится рядом с туалетами и умывальником. Две полки, один большой чемодан на верхней. Не тот, в котором был выкуп за мелкого Минэгиси. Рядом – еще одна небольшая полка с телефоном-автоматом.

– Ты его сюда положил? – Мандарин показывает пальцем на пустую нижнюю полку – прямо под большим чемоданом.

– Ага, сюда.

– И куда он, по-твоему, отсюда ушел?

– В туалет.

– Чемодан?

– Ага.

Не очень понятно, насколько Лимон серьезен, когда он делает шаг к двери мужского туалета и рывком распахивает ее. Но когда начинает орать: «Где ты, мать твою?! Именно сейчас тебе приспичило поссать?! Выходи давай!» – его голос звучит так, что ясно: он в панике.

«Возможно, кто-то взял его по ошибке», – думает Мандарин, но он и сам знает, что это не так. Его сердце начинает биться учащенно. Сам факт того, что он потрясен, потрясает его до глубины души.

– Слушай, Мандарин, какими тремя словами можно описать нашу ситуацию, как считаешь? – Щека Лимона подергивается от нервного тика.

В это мгновение в проход въезжает тележка с напитками и закусками. Молодая проводница останавливается – на случай, если им захочется что-нибудь купить, но, поняв, что они заняты беседой, катит свою тележку дальше. Мандарин ждет, когда за ней закроются автоматические двери.

– В трех словах? У нас неприятности?

– Мы в жопе.

Мандарин предлагает вернуться в третий вагон на свои места, чтобы успокоиться и обдумать ситуацию. Он направляется обратно, как вдруг идущий следом Лимон его окликает:

– Слушай, насчет этих трех слов... какие еще три слова можно придумать касательно нашей ситуации? – То ли он просто растерян, то ли просто глуп – в его тоне нет ни крупицы серьезности.

Делая вид, что не слышит его, Мандарин заходит в третий вагон и направляется по проходу к их местам. В поезде совсем немного

народа: процентов сорок от того, что бывает по будним дням до полудня – может быть, потому, что сейчас раннее утро. Мандарин не в курсе, сколько людей обычно ездит на синкансэне, но сейчас здесь, кажется, довольно тихо.

Они идут против хода поезда, поэтому могут хорошо рассмотреть сидящих на своих местах пассажиров. Люди, сложившие на коленях руки, люди с закрытыми глазами, люди, читающие газеты, работники компаний в строгих костюмах. Мандарин сканирует взглядом багажные полки над их головами и пространство возле кресел – нет ли там небольшого черного чемодана.

Мелкий Минэгиси на своем месте, в центре вагона. Спинка его кресла опущена, глаза закрыты, рот широко открыт, тело немного повернуто в сторону окна. Двое суток назад его похитили, затем долго держали взаперти, вызволен он был посреди ночи – и все это время глаз не сомкнул. Немудрено, что после всего этого он страшно устал и теперь отрубился.

Но ни одна из этих мыслей не посещает голову Мандарина. Вместо этого его сердце начинает биться как ненормальное, а дыхание перехватывает. Он быстро садится в кресло рядом с мальчишкой Минэгиси и дотрагивается пальцами до его шеи.

– Что, молодой господин мирно поживает во время таких серьезных событий? – интересуется Лимон, подходя ближе и останавливаясь рядом.

– Лимон, у нас действительно все очень серьезно.

– Насколько именно?

– Молодой господин мертв.

– Быть того не может. – Проходит несколько секунд, прежде чем Лимон добавляет: – Мы в *полной* жопе.

Он загибает пальцы. Выходит, четыре слова.

Божья Коровка

Нанао не может выбросить из головы навязчиво крутящуюся в ней мысль: если что-то случилось раз – случится второй, если что-то случилось дважды – это произойдет трижды, если нечто повторилось трижды – тройка станет четверкой; так что если нечто случилось всего лишь однажды – можно смело предположить, что это будет происходить до бесконечности. Прямо как эффект домино. Пять лет назад, когда Нанао взял свою первую работу, все пошло немного не так, как он ожидал, – прямо сказать, влип в порядочную историю, и после того случая как заведенный повторял про себя: «Случилось однажды – случится и дважды». Его мысли будто обладали материальной силой: следующая работа тоже оказалась полной катастрофой, а третья – просто настоящим кошмаром. Как будто он был маленькой лодкой, попавшей в свирепый шторм.

«Ты слишком зацкливаешься на этом», – не раз повторяла ему Мария^[10]. От нее Нанао получает свою работу – Мария говорит, что она всего лишь клерк, сидящий в «зеленом окне»^[11], но Нанао не уверен, что этим ограничиваются все ее обязанности. В его голове сами собой возникают слова, складывающиеся в подобия эпиграмм: «Я готовлю еду – ты ешь с моего стола», «Ты даешь указания – я тружусь в поте лица». Однажды он спросил ее:

– Мария, почему бы тебе тоже не заняться работой?

– У меня есть работа.

– Я имею в виду *работу*. Ну, на поле, в команде. Такой работой.

Нанао попытался представить все это, как если бы гениальный футболист стоял с края поля и наблюдал за неуклюжими потугами любителей, периодически высмеивая их грубые ошибки и покрикивая: «Эй, что ж вы все такие неумехи-то?!»

– Ты и есть тот гениальный футболист, а я на твоём фоне – просто любитель. Почему бы тебе самой не вступить в игру, разве благодаря

этому наши дела не пошли бы лучше? И стресса для всех меньше, и результаты на высоте – что, разве не так?

– Я же женщина, о чем ты говоришь?

– Да, но ты отлично владеешь кэмпом [\[12\]](#), можешь запросто справиться одновременно с тремя мужчинами... И я уверен, что ты гораздо ответственнее, чем я.

– Я не об этом. Я же женщина – что я буду делать, если мне лицо изуродуют?

– Эй, ты из какого века вообще? Никогда не слышала о гендерном равенстве?

– Это сексуальное домогательство.

С ней невозможно было договориться, так что Нанао сдался. Видимо, ситуация будет оставаться такой до бесконечности: Мария будет выкрикивать команды, а Нанао – выполнять ее указания. Гениальный коуч и игрок-любитель.

Об этой работе Мария сказала то же самое, что она твердила обо всех остальных: «Просто-просто. Войдешь и выйдешь, начнешь и сразу закончишь, не дрейфь, на этот раз вообще никаких проблем не будет, я тебе гарантирую». Нанао слышал это уже бесчисленное множество раз и практически не мог найти в себе сил протестовать.

– Ну уж нет, наверняка что-нибудь пойдет не так.

– Какой ты пессимист!.. Ну, не веди себя как рак-отшельник, который всю жизнь сидит в своей раковине, боясь, что вот-вот случится землетрясение.

– Так вот о чем беспокоятся раки-отшельники...

– Если б они не боялись землетрясений, то не таскали бы на себе свои дома, верно?

– Может, они просто налоги платить не хотят.

Мария проигнорировала его попытку съязвить.

– Слушай, мы занимаемся довольно жесткими вещами, это опасная работа, так что какой смысл в том, если я буду каждый раз предупреждать, что тебя там ждут некоторые проблемы. Если так рассудить, то проблемы – это и есть наша работа.

– Не *некоторые* проблемы, – с нажимом сказал Нанао. – Вот. Уж. Нет. Это никакие не *некоторые* проблемы.

Он хотел выразиться на этот счет предельно ясно, чтобы до нее наконец дошло.

– У меня никогда не бывает *некоторых* проблем. Взять хотя бы ту работу в отеле, когда я вроде как должен был просто сделать фотографии политика, который завел интрижку на стороне. Ты сказала, эта будет простая работа, начал и закончил – всего-то делов.

– Это и правда было просто. Все, что тебе нужно было сделать, – это получить несколько фотографий.

– Еще как просто! Если б там, в отеле, не началась перестрелка.

Мужчина в деловом костюме вдруг открыл стрельбу в лобби, пули свистели повсюду. Впоследствии выяснилось, что он был высокопоставленным чиновником, страдавшим от продолжительной тяжелой депрессии, из-за которой в конце концов взял в руки оружие, застрелил несколько ни в чем не повинных гостей и оказал отчаянное сопротивление полиции. Это не имело никакого отношения к работе Нанао – простое совпадение.

– И ты прекрасно справился. Скольких людей ты тогда спас? И это ведь именно ты сломал шею преступнику!

– Это был вопрос жизни и смерти: или он, или я... А как насчет той совсем-совсем простой работы, когда я должен был прийти в фастфуд, попробовать их новое блюдо и устроить там целое шоу напоказ – мол, а-ах, как вкусно, как потрясающе вкусно, просто слов нет, да это же настоящий взрыв вкуса!

– Ты что, хочешь сказать, что невкусно было?

– Очень даже вкусно было, ага. Только в том фастфуде реально был взрыв!

Недавно уволенный сотрудник ресторана заложил в нем бомбу. Хотя жертв от взрыва было немного, помещение быстро загорелось и наполнилось дымом, и Нанао сделал все возможное, чтобы вывести посетителей на улицу. Но так уж вышло, что в то же самое

время в ресторане решил перекусить знаменитый криминальный авторитет, которого держал на прицеле своей снайперской винтовки профессиональный киллер, находившийся снаружи, – и все это превратило случившуюся неразбериху в настоящий хаос.

– Но ты и с этим справился – нашел, где засел снайпер, и избил его до полусмерти... Еще один впечатляющий результат – ты сработал просто *блестяще!*

– Ты говорила, эта работа будет простой.

– А что такого трудного в том, чтобы съесть гамбургер?

– И то же самое было с последним заданием! Ты сказала просто спрятать деньги в туалете одной забегаловки – и чем все закончилось? Мои носки насквозь промокли, а когда я ел у них гамбургер, то чуть не умер, захлебнувшись горчицей, так что не спрашивай меня, трудно ли съесть гамбургер. Нет на свете никакой такой *простой* работы. Оптимистом быть просто опасно... Кстати, ты мне еще ни слова не сказала о моем новом задании. Что я должен сделать на этот раз?

– Все я тебе сказала. Украсть кое у кого чемодан и сойти с поезда. Это всё.

– Ты мне не сказала, где этот чемодан и кому он принадлежит. То есть ты хочешь, чтобы я просто сел на синкансэн, а об остальных деталях ты проинформируешь меня позже? Что-то мне не кажется, что все пройдет гладко – нутром чую... К тому же ты сказала мне, что нужно сойти с поезда на станции Уэно, верно? Это же сразу после Токио!^[13] У меня не будет достаточно времени!

– Ну ты сам подумай. Если предполагается сложная работа, то тебе все нужно знать заранее, во всех мельчайших подробностях. Всякие там тонкости, детали, планы на случай, если произойдет что-то непредвиденное; может, что-то даже потребуется отрепетировать... С другой стороны, если тебе не сообщают дополнительных деталей – это само по себе уже означает, что работа будет легкой, разве не так? Ну, представь, что тебе нужно

сделать три глубоких вдоха – вот и все задание. Разве тебе потребовались бы какие-либо дополнительные детали?

– Какая расчудесная логика!.. Ну уж нет, спасибо. Не будет эта работа такой простой, как ты обещаешь, – ни при каком раскладе. Нет на свете такой штуки, как простая работа.

– Есть, конечно. Полно на свете всякой простой работы.

– Хоть одну назови.

– Моя, например. Быть посредником – самая простая работа на свете.

– Так я и знал, что ты это скажешь.

* * *

Нанао стоит на платформе станции Токио, когда его мобильный телефон начинает вибрировать. Он подносит трубку к уху ровно в тот момент, когда по громкой связи объявляют: «На двадцать второй путь прибывает поезд на Мориока! Синкансэн “Хаятэ-Комати”!» Из-за того, что хорошо поставленный мужской голос оглашает платформу, Нанао с трудом слышит слова Марии в трубке.

– Эй, ты слушаешь? Хорошо меня слышишь?

– «Хаятэ» подъезжает.

Объявление о поезде вызывает оживление на платформе. Нанао чувствует себя так, будто он окружен невидимой тонкой мембраной, блокирующей поступающие к нему звуки. Он ощущает резкий порыв осеннего ветра. Обрывки облаков плывут по небу, между ними проглядывает синева – такая яркая, что кажется, будто она светится.

– Я свяжусь с тобой, как только поступит информация о чемодане. Думаю, это произойдет сразу же, как поезд отправится.

– Позвонишь или отправишь эсэмэску?

– Позвоню, так что держи телефон поблизости. На это ведь ты способен, верно?

Сначала перед платформой показывается изящный первый вагон синкансэна, напоминающий клюв птицы, за ним – все длинное тело поезда, составленное из белоснежных вагонов. Он замедляется до полной остановки. Двери открываются, пассажиры сходят. Платформу захлестывает поток людей; они заполняют все свободное пространство, словно река, вышедшая из берегов и затопившая сухую почву. Выстроившиеся в строгом порядке очереди ожидающих посадки нарушаются. Человеческие волны низвергаются вниз по ступеням. В молчании, не обмениваясь друг с другом ни единым взглядом, новые пассажиры перестраивают свои ряды. Каждый занимает свое место в очереди. «Какое странное ощущение, – думает Нанао. – И ведь я сейчас делаю то же самое».

Посадка еще не объявлена. Двери вагона остаются закрытыми: по-видимому, уборщикам нужно бросить завершающий взгляд на салон. Нанао в последний момент чувствует, что его телефон звонит, и хватается трубку за мгновение до того, как Мария отключается.

– Я хотела ехать в зеленом вагоне!^[14] – раздается капризный голос поблизости.

Он оборачивается и видит женщину с густым макияжем и низенького мужчину с бумажным пакетом в руках. У мужчины круглое лицо с бородой и усами. Он смахивает на игрушечного плюшевого пирата. На женщине – облегающий зеленый топ без рукавов, демонстрирующий ее выглядящие необычно сильными руки, и короткая мини-юбка. Нанао отводит взгляд от ее обнаженных бедер, смущенный больше, чем того требует ситуация, и нервно поправляет свои очки в черной оправе.

– Зеленый вагон – это слишком дорого... – Мужчина почесывает макушку, потом показывает билеты женщине. – Но взгляни сюда: у нас второй вагон, второй ряд. Прямо как твой день рождения: второе число второго месяца, а! Два-два!

– Это *не* мой день рождения. Я надела этот зеленый топ, поскольку думала, что мы поедem в зеленом вагоне! – кричит

хорошо сложенная женщина и с силой пихает мужчину кулаком в плечо, так что тот роняет на землю свой пакет.

Содержимое пакета вываливается на платформу. Красная куртка, черное платье, немного украшений. Во всей этой мешанине запуталось что-то черное и пушистое, похожее на маленького зверька. Увидев это, Нанао столбенеет. Прежде чем понимает, что это за странное существо, он покрывается гусиной кожей. Невысокий мужчина раздраженно сгребает все обратно в пакет. Это клок волос. Нет, скорее это целый парик. Приглядевшись повнимательнее, Нанао понимает, что женщина в облегающем зеленом топе в действительности мужчина, чье лицо покрыто густым слоем макияжа. У него адамово яблоко и широкие плечи. накачанные руки не смущают Нанао, но короткая юбка и оголенные бедра порядком раздражают.

– Эй, приятель, да пялься ты спокойно, чего тут стесняться?

Нанао вздрагивает, поняв, что резкий голос обращается к нему.

– Ага, приятель, чего стесняться-то? – говорит мужчина с лицом игрушечного пирата и бородой, делая шаг в сторону Нанао и еще не окончательно выпрямившись. – Смотри, если тебе так хочется. Хочешь эти шмотки? Я продам их тебе все за десять тысяч иен^[15], идет? Только если ты расплатишься наличными.

Он продолжает запихивать вещи в пакет.

«Да я у тебя все это и за тысячу иен не стал бы покупать», – хочет сказать Нанао, но понимает, что будет только втянут в ненужный разговор. «А впрочем, похоже, это уже произошло...» Он вздыхает.

– Давай, чего ты, раз-два и готово, – гнет свое мужчина. Выглядит так, будто хулиган прикалывается над учеником средней школы. – У тебя же есть денежки, я уверен. Отличные очки у тебя, умник... Ты ведь умник?

Нанао делает отсутствующее лицо и поспешно уходит.

«Сосредоточься на работе».

Задание очень простое. Забрать чемодан и сойти на следующей станции. «Никаких проблем. Нет ничего, что может пойти не так.

Никаких сюрпризов». На него уже наорали дрег-куин и бородатый пират – но это не больше чем небольшие неровности на гладкой дороге. Это не предзнаменование неудач. Он твердит себе это, как будто проводя магический ритуал, отталкивающий дурную энергию прочь с его пути.

Голос из громкоговорителя благодарит пассажиров за ожидание. Это всего лишь запись, но, кажется, она снимает напряжение, царящее на платформе. По крайней мере, она успокаивает Нанао, хотя он и не ждал так уж долго. Слышит, как проводник сообщает, что сейчас откроются двери поезда, и затем они открываются – как будто он произнес специальное заклинание открытия дверей.

Нанао проверяет номер своего сиденья. В билете указано: вагон четвертый, ряд первый, место D. Он вспоминает, что сказала Мария, отдавая ему билеты:

– В синкансэнэ «Хаятэ» все места резервируемые – не уверена, что ты был в курсе этого. Так что, если не зарезервировать место, на поезд не сядешь. Я зарезервировала твое, несмотря на то что тебе придется быстро сойти. Решила, что место у прохода подойдет как нельзя лучше.

– Что в этом чемодане?

– Я не знаю, но, уверена, ничего особенно важного. Точно тебе говорю.

– Ты так уверена? И ты правда думаешь, что я тебе поверю, что ты не в курсе, что там внутри?

– Говорю же тебе, не знаю. Ты что, хочешь, чтобы я спросила – и разозлила этим нашего клиента?

– А вдруг там какой-нибудь опасный груз?

– Опасный груз? И какой же, например?

– Например, мертвое тело, или целая куча денег, или наркотики, или... здоровенное гнездо ядовитых насекомых.

– Гнездо ядовитых насекомых – страх-то какой...

– А предыдущие три варианта – вообще ужас. Это ведь что-то в этом роде, да?

– Не могу сказать.

– Потому что так оно и есть, верно? – Нанао начал терять терпение.

– Слушай, какая бы там внутри ни была гадость, тебе всего лишь нужно отнести чемодан. Так что расслабься.

– То, что ты говоришь, не имеет никакого смысла. Как насчет того, чтобы тебе самой отнести его?

– Ну уж нет. Слишком опасно.

* * *

Нанао проходит в конец четвертого вагона и садится на свое место. Значительная часть сидений в вагоне свободны. Он ждет отправления поезда, не выпуская из руки телефон и не отрывая взгляда от своей руки. От Марии пока ничего. Они прибудут на станцию Уэно спустя считанные минуты после отправления со станции Токио. У него будет совсем немного времени, чтобы украсть чемодан. Это беспокоит его.

Автоматические двери открываются со звуком, похожим на то, как если бы кто-то с силой втянул носом воздух, – и в вагон заходит новый пассажир. Нанао пытается сесть нога на ногу и задевает коленом бумажный пакет, который несет пассажир. Тот останавливается и угрюмо смотрит на Нанао. Выглядит мужчина нездоровым: многодневная щетина торчит во все стороны, лицо бледное, как у мертвеца, глаза запали. Нанао торопливо бормочет извинения. «Пожалуйста, простите меня». Строго говоря, мужчина сам в него врезался, но Нанао не придает этому значения. Он хочет избежать любых недоразумений. Так что он извинится столько раз, сколько потребуется, чтобы избежать этих недоразумений. Мужчина, очевидно рассерженный, отворачивается, чтобы продолжить свой путь. Но тут Нанао замечает дыру в его бумажном пакете –

возможно, от удара об его колено. «У вас пакет порвался. Всё в порядке?»

– Не твое дело, – грубо отрезает мужчина и уходит.

Нанао снимает свою легкую кожаную поясную сумку, чтобы еще раз проверить билет. Сумка набита всякой всячиной: ручка, блокнот, металлическая проволока, зажигалка, таблетки, компас и мощный магнит в форме подковы, катушка сверхпрочного скотча. Три штуки электронных часов с функцией будильника. Он считает, что будильники – полезная штука в самых разных ситуациях. Мария подшучивает над ним, называя его «ходячим собранием семи народных инструментов»^[16], но в действительности это все самые обыкновенные вещи, которые он нашел у себя на кухне или купил в комбине^[17]. Кроме противовоспалительного стероидного крема и кровоостанавливающей мази – на случай, если он получит ожоги или раны.

Мужчине, чья любовь к Удаче не взаимна, остается только быть готовым ко всем неприятностям. Вот почему Нанао всегда носит при себе свои «семь народных инструментов».

Он выуживает из наружного кармана сумки билет на синкансэн. Взглянув на него и не веря своим глазам, еще раз проверяет напечатанные на нем иероглифы. Это билет от Токио до конечной станции – Мориока. «Почему до Мориока? Ведь...» Нанао не успевает додумать свою мысль, потому что его телефон снова звонит. Он отвечает немедленно и слышит в трубке голос Марии.

– Все прояснилось. Он между третьим и четвертым вагонами. Там находятся места для хранения багажа, на нижней полке – черный чемодан среднего размера. Вроде как возле ручки там какая-то наклейка или типа того. Хозяин чемодана в третьем вагоне, так что, как только он будет у тебя, иди в обратном направлении и сойди с поезда так быстро, как сможешь.

– Понял... – Он мгновение колеблется. – Я только что заметил кое-что странное. Я ведь должен сойти на Уэно, но по какой-то причине мой билет до Мориока.

– Не пытайся усмотреть в этом какой-то особенный смысл. Просто для подобной работы логично было взять для тебя билет до конечной станции. На случай, если что-то пойдет не так.

– Так, стоп, – Нанао немного повышает голос. – То есть ты хочешь сказать, что что-то *может* пойти не так?

– Это просто на всякий случай. Не напрягайся ты так. Попробуй улыбнуться. Есть же такая старинная поговорка: «В ворота улыбки входит Счастье».

– Я буду выглядеть довольно странно, сидя тут в одиночестве и улыбаясь самому себе.

Он нажимает на кнопку окончания вызова, и в этот момент синкансэн начинает движение.

Нанао встает и направляется к автоматическим дверям позади него.

До прибытия в Уэно пять минут. Времени почти нет. К счастью, он без труда находит багажные полки и нужный ему черный чемодан на нижней. Тот среднего размера, имеются колесики. Наклейка возле ручки. Стенки чемодана твердые, но Нанао не может понять, из какого материала он сделан. Он стаскивает его с полки так тихо, как только может. «Простая работа», – звучит в его голове соблазнительно вибрирующий голос Марии. Пока что действительно простая. Он проверяет время. Четыре минуты до прибытия в Уэно. Теперь Нанао думает: «Скорее бы, скорее бы...» Возвращается в четвертый вагон вместе с чемоданом, стараясь идти спокойно и ничем не выдать своего волнения, но никто, кажется, не обращает на него никакого внимания.

Он проходит четвертый вагон, затем пятый, входит в тамбур между пятым и шестым. Затем останавливается и с облегчением выдыхает. Он беспокоился, что наткнется на какое-нибудь препятствие: на молодых людей, столпившихся возле выхода, или на девушек, поправляющих перед зеркалом макияж. Увидев Нанао, они могли бы выкрикнуть ему какое-нибудь оскорбление, вроде «У тебя что, проблемы?!» или «Эй, мужик, на что пялишься?». Хуже того – в

тамбуре он мог бы встретить какую-нибудь выясняющую отношения парочку, так что они оба повернулись бы к нему и сказали: «Эй, постой-ка, а ты на чьей стороне?», втянули бы его в эти свои бессмысленные разборки... короче, что бы там ни было, он был уверен: что-нибудь его задержит.

Но за дверью никого нет, и Нанао успокаивается. Осталось только дожидаться, когда синкансэн остановится в Уэно, и сойти. Покинуть станцию и позвонить Марии. Он уже представляет, как она будет подкалывать его. Скажет: «Вот видишь, как все было просто», – и хотя он не любит, когда из него делают дурачка, все же предпочел бы это любым неприятностям и опасным совпадениям, которые могли бы случиться в этот день.

Снаружи внезапно становится темно, когда поезд въезжает в подземный тоннель. По внутренней связи раздается объявление о прибытии на подземную платформу Уэно. Нанао крепко сжимает пальцами ручку чемодана и зачем-то бросает взгляд на наручные часы.

В окне поезда он замечает свое отражение – и вынужден признать, что выглядит как человек, которому никогда и ни в чем не сопутствует удача. Его бывшая девушка жаловалась: «Нанао, с тех пор как мы начали с тобой встречаться, я все время теряю свой кошелек. У меня все из рук валится. У меня даже прыщи теперь хуже проходят». Он протестовал, утверждая, что все это даже в теории не могло случаться по его вине, но каким-то образом чувствовал, что, возможно, она была права. Как будто его неудачливость была заразной.

Высокочастотный гул, издаваемый поездом, становится все тише. Двери откроются с левой стороны. Снаружи светлеет, и появляется станция, похожая на фантастический город внутри пещеры. Здесь и там на платформе видны люди, отступающие от ее края при приближении синкансэна. С левой стороны за окнами проплывают лестницы, скамейки для пассажиров и светящиеся электронные табло.

Нанао внимательно смотрит через стекло дверей тамбура, удостоверившись, что никто не идет за ним следом. Если хозяин чемодана или кто-нибудь еще попытается им завладеть, ситуация может осложниться. Поезд сбрасывает скорость. Это заставляет его вспомнить об одном-единственном случае, когда он играл в рулетку в казино. Колесо рулетки постепенно замедляло свое вращение, как будто придавая больше значительности каждому слоту, в который мог попасть брошенный в рулетку шарик. Сейчас у Нанао возникает такое же ощущение, когда синкансэн прибывает к платформе, словно выбирая, где ему лучше остановиться, какому вагону напротив какого пассажира, лениво сбрасывая скорость: кого бы взять с собой в дальнейшее путешествие. А затем – он останавливается.

За закрытыми дверями напротив Нанао стоит мужчина. Невысокого роста, в плоской кепке, которая делает его похожим на детектива из детской книжки. Дверь открывается не сразу. Это долгий растянутый во времени момент – как будто задерживаешь дыхание под водой.

Нанао и мужчина на платформе стоят теперь ровно друг напротив друга, между ними – прозрачная граница стекла. Нанао нахмуривается. «Я знаю этого парня. Это унылое лицо. Эта дурацкая кепка». Мужчина, о котором он думает, в одной с ним команде; он берет всякие сомнительные задания и занимается опасной работой. У него точно есть какое-то настоящее имя – но он все время похваляется своими достижениями, на каждом углу орет о своей исключительности и постоянно со всеми ссорится из-за своего злословия о других, так что все зовут его Волком. Не потому, что он крутой и одинокий, как настоящий волк. Скорее он кто-то вроде противного злобного волка, которым пугают маленьких детей. Вот только не похоже, чтобы его смущало это издевательское прозвище, и он с гордостью заявляет, что его придумал сам господин Тэрахара. Тэрахара был слишком занят взятием под контроль всего криминального мира, так что вряд ли он стал бы тратить свое

драгоценное время на то, чтобы придумывать кому-то прозвища, но Волк представляет все именно так.

У него целый ворох подобных выпендренных историй. Однажды, когда они с Нанао сидели в одном баре, Волк сказал ему:

– Слышь, знаешь того парня, который мочит политиков и бюрократов и представляет все так, типа это было самоубийство? Короче, самоубийцу этого... Кличет он себя Китом, или Касаткой, или как-то вроде того, типа крутой очень. В последнее время стали поговаривать, что его больше не видно. А знаешь почему? Потому что я уделал его.

– Что ты имеешь в виду – «уделал его»?

– Получил работенку, так-то. И убил Кита.

Специалист по самоубийствам под кодовым именем Кит действительно не так давно исчез, и люди, занимавшиеся опасной работой, обсуждали его исчезновение. Некоторые утверждали, что его убрал кто-то из своих – по заданию; другие считали, что произошел несчастный случай, а кто-то даже сказал, что тело Кита за большие деньги приобрел какой-то политик, у которого был на Кита здоровенный зуб, так что он повесил его тело высоко под потолком своей резиденции – в качестве украшения. Короче говоря, распространялись всякие паршивые слухи. Но, какой бы ни была правда, одно было ясно совершенно точно: для такой серьезной работы никто не стал бы нанимать Волка, который мог работать разве что не особенно важным курьером или избить какого-нибудь гражданского или женщину.

Нанао всегда делал все возможное, чтобы избежать любых встреч с Волком. Чем больше он смотрел на этого типа, тем больше ему хотелось сорваться с катушек и врезать ему по физиономии – и он прекрасно знал, что от этого будут только проблемы. И сильно сомневался, что сможет удержаться от этого, потому что однажды уже *действительно* врезал Волку.

Он шел по переулку в районе ханкагай^[18] и увидел Волка, избивавшего троих ребятишек, старшему из которых на вид еще и

десяти не исполнилось.

– Ты что творишь?! – выкрикнул Нанао.

– Эти засранцы решили подшутить надо мной. Так что я провожу с ними типа воспитательную беседу, – и он влепил кулаком в лицо одному из парнишек.

Кровь бросилась Нанао в голову. Он сбил Волка с ног и хорошенько двинул ему в челюсть.

Впоследствии Мария услышала об этой истории и в свойственной ей ироничной манере похвалила его:

– Ты защитил малышей! Какой ты у нас добрый, Нанао...

– Это вовсе не потому, что я хороший. – В действительности это было связано с крепко засевшим в его памяти образом напуганного ребенка – беззащитного, умоляющего его спасти. – Когда дети в беде, я просто не могу сдержаться.

– То есть у тебя самого какая-то детская травма?

– Это не то, что можно описать простыми словами «детская травма».

– Мода на детские травмы давно прошла, – сказала Мария с некоторым пренебрежением.

Нанао хотел объяснить, что причиной всему была никакая не «мода». Даже если термин «детская травма», или «сердечная рана»^[19], превратился в клише, и, в конце концов, у каждого есть какая-нибудь такая травма, люди не способны справиться с болью их прошлого.

– Так или иначе этот Волк, он всегда предпочитает иметь дело с детьми и животными – с теми, кто слабее его, – и это сделало его жестоким. Правда, нет никого хуже этого Волка. И всякий раз, когда чувствует опасность, он начинает трепаться про Тэрахару: «Господин Тэрахара меня защитит, я скажу господину Тэрахаре...»

– Тэрахара мертв.

– Я слышал, что, когда он умер, Волк так рьяно его оплакивал, что чуть не умер от обезвоживания... Что за придурок!

– Ну, по крайней мере, ты провел с ним воспитательную беседу.

Получив от Нанао в челюсть, Волк больше оскорбился, чем пострадал физически. Он густо покраснел, вытаращил глаза и заявил, что, когда они встретятся в следующий раз, Нанао крепко пожалеет об этом. После этого Волк удрал. Это был последний раз, когда они виделись.

Теперь двери синкансэна открываются. Нанао собирается сойти, крепко сжимая ручку чемодана. Их больше не разделяет стекло окна, и он лицом к лицу с человеком в плоской кепке, который выглядит в точности как Волк – просто невероятное сходство. В этот момент человек обращается к нему: «Эй, ты!» – и тычет в него пальцем, так что Нанао понимает: это точно Волк собственной персоной, и никто другой.

Нанао пытается сойти на платформу, но физиономия Волка представляет собой сплошную маску угрюмой целеустремленности, когда он бросается вперед, оттесняя Нанао в глубину тамбура.

– Вот я счастливчик, что тебя здесь повстречал! – Волк прямо-таки сияет от радости. – Какая удача! – Его ноздри раздуваются, будто он почуял добычу.

– Давай в другой раз. Мне нужно сойти с поезда. – Нанао говорит тихо, боясь, что громкий разговор может привлечь ненужное внимание истинного владельца чемодана.

– Ты чё, думаешь, я тебя вот сейчас взял так и отпустил? Мне нужно сравнять с тобой счет, приятель!

– Давай в другой раз сравняем. Я на задании. И вообще, лучше давай оставим это, я прощаю тебе все твои долги.

«Нет времени» – и едва эта короткая мысль вспыхивает в сознании Нанао, двери быстро закрываются. Синкансэн отправляется, равнодушный к затруднительному положению, в которое попал Нанао. Он слышит раздающийся откуда-то голос Марии: «Простая работа, прощай некуда». Ему хочется закричать от отчаяния. И в конце концов именно это он и делает.

Принц

Он открывает раскладной столик и ставит на него бутылку воды, затем надрывает по линии упаковку шоколадных драже и закидывает одно из них в рот. Поезд покидает подземную станцию Уэно и возвращается в верхний мир. Несколько облаков плывут по небу, но по большей части оно сияет чистой синевой. «Небо такое же солнечное, как мое настроение», – думает он. За окном слева показывается поле для гольфа, как будто накрытое гигантской москитной сеткой. Оно проплывает мимо, и появляется школа: ряд прямоугольных бетонных строений, за окнами спуют ученики в школьной форме... Это средняя или старшая школа, и Принц Сатоши посвящает какое-то время обдумыванию этого вопроса, но практически сразу же приходит к выводу, что это не имеет никакого значения. Все они одинаковы. Ученики средней школы – такие, как он сам, или ребята постарше, – все они на одно лицо. И такие предсказуемые... Он поворачивается к сидящему рядом Кимуру. Тот являет собой яркий пример того, как люди удручающе скучны.

Сначала он отчаянно пытался вырваться, хотя весь перемотан скотчем и в любом случае никуда не смог бы пойти. Принц отобрал его пистолет и теперь держал его между ними направленным на Кимуру – так, чтобы никто посторонний не смог увидеть. «Да успокойся же ты наконец, это ненадолго. Дедуля, если ты не дослушаешь мою историю до конца, потом сам же будешь об этом жалеть, потому что история интересная». По крайней мере, эти слова заставили Кимуру притихнуть.

– Вот что мне любопытно, дедуля. Тебе самому не показалось, что здесь что-то не так? Ученик средней школы вроде меня едет в одиночестве на синкансэне, и ты с такой необыкновенной легкостью обнаруживаешь, где именно он сидит? Тебе не приходило в голову, что это может быть ловушкой?

– Так ты сам и слил эту информацию?

– Ну, я же знал, что ты будешь искать меня, дедуля.

– Я стал искать тебя потому, что ты исчез. Залег на дно, перестал появляться в школе...

– Я и не думал прятаться. А в школу не ходил, потому что мой класс на карантине.

Это было правдой. Хотя, конечно, он перестал появляться в школе чуть загодя до того, как в классе начался сезонный грипп и им было сказано оставаться дома в течение недели. Эпидемия и не думала ослабевать в эту последующую неделю, и занятия не возобновились и на следующей. Учителей не заботили пути передачи гриппа и его инкубационный период, а также то, в каком проценте случаев заболевание протекает тяжело, – они просто следовали правилам, согласно которым если определенное количество учеников заболело, то весь класс должен был сидеть по домам. Принц был с этим категорически не согласен. Как можно слепо идти на поводу правил, избегая любых рисков и вместе с ними – всякой ответственности? Засадить всех по домам – отличная идея, как будто учителя добровольно отключили свои мозги... глупцы, все они казались Принцу глупцами. Ни единой попытки разобраться в вопросе, провести анализ, проявить инициативу...

– Знаешь, чем я занимался на этих карантинных каникулах?

– И чем же?

– Я разузнавал все про тебя, дедуля. И выяснил, что ты чертовски на меня зол.

– Это неподходящее выражение.

– Неужели?

– Я намного больше, чем просто зол, – Кимура выплевывает слова, будто это сгустки крови, и на лице Принца появляется улыбка.

Людей, не способных контролировать свои эмоции, самих контролировать проще простого.

– Ну, так или иначе мне было известно, что ты хочешь меня достать. Я понимал, что как только ты найдешь меня, дедуля, ты придешь за мной. Так что оставаться дома для меня было опасно, и

раз уж ты шел по моему следу, я тоже пошел по твоему следу. Тебе это известно лучше меня, дедуля: если хочешь достать кого-то, или убить кого-то, или использовать кого-то, то первое, что ты должен сделать, – это собрать о нем как можно больше информации. Начать с его семьи, работы, привычек, узнать о его хобби – это расскажет тебе о человеке все, что нужно. В общем, точно так же, как это делает налоговая.

– Какой ученик средней школы станет приводить в пример налоговую? Ты отвратителен, – Кимура горько усмехается. – Что ты вообще за ребенок такой, а?

Принц разочарованно хмурится. Этот человек, очевидно, не принимает его всерьез. Видимо, он недооценил своего противника, посудив по возрасту и внешности.

– Если хорошо заплатить, можно раздобыть любую информацию.

– О, ты что, воспользовался деньгами, подаренными тебе родителями на Новый год?

Принц окончательно разочарован.

– Ну, например, это могли быть вовсе и не деньги. Может быть, я знаком с человеком, который любит школьниц. Скажем, он согласился бы сыграть для меня в детектива, если б ему разрешили за это поглазеть на голых несовершеннолетних девочек. Ради этого удовольствия он разузнал, что с женой у вас все кончено, что ты развелся и в одиночку воспитываешь своего милого маленького мальчика, что у тебя алкогольная зависимость. Может, у меня есть такие друзья – девочки, которые с радостью готовы скинуть с себя всю одежду, если я попрошу... Не думал об этом, дедуля?

– Ты мог бы заставить ученицу средней школы раздеться перед взрослым мужчиной? Ты что, силой принуждаешь беззащитных девочек заниматься подобным?

– Да я просто для примера сказал. Не нужно так возмущаться, дедуля. Я просто хочу объяснить тебе, что деньги – это еще не всё; у людей полно всяких желаний и страстей, и они могут делать что-то по самым разным причинам. Вопрос, так сказать, в рычаге

воздействия. Нажми на нужную кнопку в нужный момент – и даже ученик средней школы сможет заставить кого угодно сделать что угодно. И, знаешь ли, сексуальное влечение – это кнопка, на которую нажать легче всего. – В его голосе появляются издевательские нотки. Принц отлично знает: чем сильнее твой собеседник заведется, тем легче с ним будет справиться. – Но я правда был весьма впечатлен, когда узнал о том, в каких опасных делах ты был когда-то замешан. Скажи мне, дедуля, ты когда-нибудь кого-нибудь убивал? – Принц опускает взгляд на пистолет в своей руке. Дуло все еще смотрит на Кимуру. – Знаю, что убивал. Это действительно круто. А эта штука, которую ты прикрутил к стволу, – это чтобы сделать звук выстрела тише, верно? Очень профессионально... – Он крутит в пальцах глушитель, который отвинтил от пистолета. – Я так испугался, что чуть было не расплакался, – добавляет Принц драматичным голосом, хотя это, конечно, неправда. Если он и готов сейчас расплакаться, то только потому, что пытается сдержать свой смех.

– И что, ты просто ждал меня здесь?

– Дедуля, я слышал, что ты искал меня, так что пустил слух, что буду на этом синкансэне. Ты ведь нанял кого-то, чтобы раздобыть эту информацию, верно?

– Старого знакомого.

– Которого ты знал с того времени, как занимался своей опасной работой. А ему не показалось странным, что ты разыскиваешь мальчишку-подростка?

– Сначала показалось. Он сказал: «Не знал, что ты занимаешься чем-то подобным». Но когда я рассказал ему мою историю, он проникся ко мне сочувствием и тоже захотел найти тебя. «Никто не может сотворить такое над твоим сыном и уйти безнаказанным» – так он сказал.

– Но этот человек тебя предал, дедуля. До меня дошли слухи, что он расспрашивает обо мне, так что я сделал ему встречное предложение, и он сказал, что передаст тебе мою информацию.

– Вранье.

– Лишь только узнав, что сможет сделать все, что ему заблагорассудится, с девочкой из средней школы, он просто затрясся от вожделения. Я тогда спросил себя: «Интересно, взрослые все такие?» – Принц обожает так делать: он представляет человеческие чувства как тонкую упругую пленку, в которую его слова вонзаются, как когти хищного зверя. Тело легко натренировать, но вот развить эмоциональную устойчивость гораздо труднее. Даже если ты думаешь, что совершенно спокоен, тебе не избежать уколов шипов злословия.

– Я не знал, что он замешан в подобном.

– Не следует доверять своим старым знакомым, дедуля. Не имеет значения, чем, по твоему мнению, они тебе обязаны; покажи им нужную приманку – и они благополучно забудут об этом. Общество, основанное на взаимном доверии, давно ушло в прошлое, если оно вообще когда-либо существовало. Но все же ты действительно пришел, дедуля... Я сначала даже поверить в это не мог. Ты такой доверчивый... Кстати, я все хотел спросить, как там твой сынуля? Уже поправился? – Он закидывает в рот очередное шоколадное драже.

– А сам ты как думаешь, сволочь?

– Эй, ну потише, дедуля... Если кто-нибудь тебя услышит, возникнут проблемы. У тебя пистолет и все такое... – Принц произносит это шепотом с наигранным драматизмом. – Привлекать внимание слишком опасно.

– Пистолет в твоей руке, так что это у тебя будут проблемы.

Принц все больше раздражается из-за того, что Кимура ни на шаг не выходит за границы полной предсказуемости.

– Я просто скажу, что был напуган и отобрал у тебя пистолет.

– А как насчет того, что ты связал меня?

– Хорошая попытка. Но у тебя, во-первых, зависимость от этанола, во-вторых, ты бывший охранник, в настоящее время безработный, а я – типичный ученик средней школы. И кого они, по-твоему, станут защищать?

– Что за хрень этот твой этанол? Я зависим от алкоголя.

– Этанол – *это и есть алкоголь*; то, что делает напитки алкогольными. Должен сказать, что я впечатлен тем, что ты смог бросить пить. Я серьезно, это трудно. Что-то помогло тебе сделать это? Например, то, что твой сынуля оказался практически при смерти?

Кимура отвечает ему взглядом, полным такой ярости, что ей и сам дьявол позавидовал бы.

– В общем, неважно, дедуля; я спросил, как дела у твоего милого маленького мальчика... Как там его звали? Не могу припомнить имени, зато точно помню, что он очень любит забираться на крыши. Ему следует быть осторожнее. Когда маленькие детишки забираются в высокие места, они иногда оттуда падают. Ограждения на крышах универмагов не всегда достаточно крепкие, и иногда детишки находят самые опасные точки...

Кимура выглядит так, будто он сейчас закричит.

– Держи себя в руках, дедуля, – если не будешь сидеть тихо, то навлечешь на себя подозрения.

Принц отворачивается, чтобы посмотреть в окно, как раз в тот самый момент, когда синкансэн, направляющийся в Токио, проносится мимо них в противоположном направлении – так быстро, что превращается в размытое пятно. Их поезд сотрясает дрожь. Принц ощущает затаенный трепет перед всепоглощающей скоростью и мощью. Что такое человек в сравнении с гигантским металлическим поездом, несущимся со скоростью больше двухсот километров в час? *Только представьте себе, что кто-то оказался на пути едущего синкансэна – он был бы мгновенно распылен на мельчайшие частицы.* Его сила зачаровывает Принца. «Я такой же, – думает он. – Я не могу бежать со скоростью двести километров в час, но точно так же могу уничтожать людей». На его лице сама собой возникает улыбка. Друзья Принца помогли ему затащить сына Кимуры на крышу универмага. Строго говоря, они ему были никакие не друзья – просто одноклассники, которые во всем ему

подчинялись. Этот шестилетка был до смерти напуган – напуган, потому что никогда раньше не сталкивался с жестокостью.

– Эй, перегнись через перила, посмотри оттуда вниз. Да не бойся ты так, это безопасно, – Принц сказал это с милой улыбкой, так что мальчонка ему поверил.

– Это правда можно? Я не упаду?

Он соврал мальчонке, толкнул его вниз, и это было нет-слов-как-весело.

– И ты, поджидая меня в этом синкансэне, совсем не боялся? – с отвращением шепчет Кимура.

– Боялся? Что ты имеешь в виду?

– Ты знаешь, какого рода работой я занимался раньше. Ты наверняка предполагал, что у меня будет с собой пистолет. И если бы что-то пошло не так, я мог бы убить тебя.

– Любопытно.

Принцу действительно любопытно. Он не испытывал ни тени страха. Скорее был полон предвкушения; ему было интересно, пойдет ли все в точности так, как он предполагал.

– Я не думал, что ты меня сразу же застрелишь или воткнешь в меня нож.

– Почему?

– Учитывая то, какие чувства ты ко мне испытываешь, такая быстрая месть тебя не удовлетворила бы. – Он пожимает плечами. – Найти меня и сразу убить – это слишком просто. Тебе бы захотелось напугать меня, угрожать мне, заставить меня расплакаться, услышать, наконец, слова моего раскаяния, верно?

Кимура слушает, не соглашаясь, но и не опровергая его рассуждений. «Взрослые всегда держат рот на замке, – думает Принц, – когда я прав».

– Ну, и я был уверен, что доберусь до тебя первым. – Он достает из своего рюкзака самодельный электрошокер.

– Если ты так любишь электрические приборы, стал бы гребаным электриком...

Принц наслаждается последним содроганием корпуса синкансэна, вызванным проезжающим встречным поездом, и поворачивается к Кимуре.

– Дедуля, когда был в деле, скольких людей ты убил?

Налитые кровью глаза Кимуры сверкают. «Он хоть и связан, а все равно готов наброситься на меня в любой момент».

– Я убивал людей, – говорит ему Принц. – В первый раз убил, когда мне было десять. Одного. В последующие три года – еще девятерых. Всего десять. Твой счет больше моего? Или меньше?

Кимура выглядит застигнутым врасплох, его глаза округляются от удивления. Принц в очередной раз огорчен его реакцией. Так мало нужно, чтобы сбить этого типа с толку...

– Ну, я должен уточнить, что своими руками убил лишь однажды.

– В смысле?

– Глупо ведь рисковать самому, верно? Не нужно принимать меня за такого дурака.

– Не пойму, о чем ты толкуешь, – Кимура неприязненно кривит лицо.

– Я расскажу тебе про первого, – начинает Принц.

Когда он учился в четвертом классе младшей школы, как-то раз, вернувшись после занятий домой, поехал на своем велосипеде в большой книжный магазин за книгой, которую давно хотел купить. На обратном пути выехал к автомобильной дороге и остановил свой велосипед на перекрестке, ожидая, когда загорится зеленый сигнал светофора. Рядом с ним стоял мужчина с плеером «Уокмэн»; слушая музыку в наушниках, он одновременно набирал эсэмэски на телефоне. На мужчине был свитер. Кроме него, на перекрестке никого не было. Машин тоже почти не было: дорога была такой тихой, что можно было без труда слышать музыку, играющую у его соседа в наушниках.

Принц не помнил, чтобы была какая-то особенная причина того, по которой он начал крутить педали, пока светофор все еще был красным. Просто подумал, что ждать зеленого слишком долго, а

машин все равно нет, так что нет никакого смысла законопослушно дожидаться, когда зажжется зеленый. Он оттолкнулся ногой и выехал на перекресток. Спустя мгновение услышал позади какофонию звуков: визг тормозов и звук удара – впрочем, в действительности сначала было столкновение, а уже затем раздался металлический скрежет тормозов. Он обернулся и увидел остановившийся посреди дороги черный минивэн; с его водительского сиденья выбирался какой-то бородач. Мужчина в свитере с плеером был расprostерт на земле, его телефон разбился вдребезги.

Принц на какие-то секунды задумался над тем, зачем мужчине вдруг пришло в голову переходить дорогу прямо перед едущей машиной, но он быстро собрал в своем воображении фрагменты ситуации: он сам выехал на дорогу, и мужчина просто решил, что светофор уже переключился. Наушники в ушах, взгляд приклеен к экрану телефона, – по-видимому, он заметил боковым зрением движение велосипеда и рефлексивно последовал за ним. И ровно в тот момент из-за угла выехал минивэн. Неожиданное появление машины удивило Принца больше, чем гибель человека, учитывая то, насколько пустынной казалась дорога; но так или иначе человек был мертв. Даже находясь на другой стороне дороги, Принц видел, что он не дышит. Провод наушников протянулся по асфальту, как кровавая полоса.

– Я понял тогда две вещи.

– Первая: нужно быть внимательным на перекрестках? – спрашивает Кимура.

– Первая: если ты делаешь это с достаточной осмотрительностью, то можешь запросто уйти от ответственности за убийство. Тот инцидент сочли обыкновенной дорожной аварией. Никто не обратил на меня никакого внимания.

– Уверен, что так оно и было.

– Вторая: даже если кто-то умер по моей вине, я не чувствую ни капли раскаянья.

– Я тебя поздравляю.

– Тогда все это и началось. Я заинтересовался убийствами. Как это – убить кого-то, что человек чувствует, когда ты его убиваешь, все в этом роде...

– Решил попробовать совершить самое страшное преступление из всех возможных, так, что ли? Так ты, что же, вообразил, что ты такой особенный лишь потому, что смог представить себя совершающим нечто настолько ужасное, что сама мысль об этом не может прийти в голову нормальному человеку? Вот что я тебе скажу: любой самый заурядный человек хоть раз в жизни да размышлял о подобном, даже если никогда и не решился это совершить. Ах, действительно, почему же нельзя убивать людей и отчего при этом никого не волнует тот факт, что всякое живое существо в конце концов умирает, ах, жизнь так пуста!.. Каждый думает о подобном, это банальные подростковые мысли, которые все перерастают.

– Почему нельзя убивать людей? – спрашивает Принц. Он делает это не из цинизма и не ради шутки, а действительно хочет знать ответ. Хочет наконец встретить взрослого, который даст ему *удовлетворительный* ответ. Он изначально знал, что Кимура не будет таким взрослым. Он с легкостью мог представить его еще не высказанную позицию на сей счет: *в убийстве кого-то нет ничего дурного, если это не я и не члены моей семьи, в противном случае – какая разница.*

Кимура ухмыляется, и щетинистые усы топорщатся над его верхней губой.

– Я не думаю, что убивать нельзя. Я имею в виду, если мы не говорим обо мне или членах моей семьи. В противном случае – твори что хочешь, убивай или будь убит.

Принц тяжело вздыхает.

– Это вздох восхищения?

– Нет, я просто разочарован настолько предсказуемым ответом. Впрочем, как и говорил, после того случая я провел мысленный эксперимент. Во-первых, я хотел убить кого-нибудь более целенаправленно.

– И это был тот самый человек, которого ты убил своими руками.

– Именно.

– Так что же, когда ты столкнул Ватару с крыши, это тоже был эксперимент? – Кимура говорит тихо, но его горло перехватывает, и у слов как будто появляется кровавый привкус.

– Неправильное предположение. Твой сын, по всей видимости, хотел поиграть с нами. Мы сказали ему оставить нас в покое, но он не послушался. Мы обменивались карточками на автомобильной парковке на крыше универмага. Мы сказали ему: «Здесь опасно, не нужно тут крутиться», – но он не послушался и побежал к лестнице. Мы даже понять ничего не успели, когда он упал вниз.

– Ты и твои дружки *столкнули* его!

– Шестилетнего ребенка – с крыши?! – Принц прикрывает округлившийся в наигранном изумлении рот ладонью, как будто готов вскрикнуть от ужаса. – Мы никогда не смогли бы сделать что-то настолько ужасное! Такая мысль никогда не пришла бы мне в голову! Взрослые всегда выдумывают такие страшные вещи!

– Я убью тебя, тварь! – Руки и ноги Кимуры связаны, но это не мешает ему метнуться в сторону Принца, чтобы попытаться вцепиться в него зубами.

– Дедуля, прекрати, – Принц выставляет перед собой обе руки, чтобы закрыться от Кимуры. – То, что я собираюсь сказать, очень важно, так что слушай внимательно. Это может стоить твоему сыну жизни. Так что постарайся вести себя по-взрослому. – Его голос звучит совершенно спокойно.

Кимура взбешен, его ноздри раздуваются от ярости, но упоминание жизни его сына останавливает его, и он обессиленно падает обратно на сиденье.

За его спиной открываются автоматические двери. Видимо, это тележка с напитками; они слышат, как кто-то из пассажиров обращается к проводнице, затем расплачивается за покупку. Кимура оборачивается, чтобы посмотреть.

– Эй, дедуля, не пытайся только обратиться к проводнице с какой-нибудь глупостью.

– С какой, например? Попробовать пригласить ее на свидание?

– Я имею в виду – с просьбой о помощи.

– А ты попробуй меня остановить.

– В твоей попытке не будет ни малейшего смысла. Ты только все испортишь.

– Все испорчу? Что именно «все»?

– Было бы очень просто открыть рот и попросить о помощи, но ты не можешь этого сделать. Хочу, чтобы ты в полной мере ощутил это бессилие. Если бы я силой закрыл тебе рот, это лишило бы всю мою затею смысла. Я хочу посмотреть, как ты будешь себя чувствовать, не в силах ничего сделать, – когда ты технически можешь это сделать. Я хочу увидеть, как ты *корчишься*.

Глаза Кимуры меняют свое выражение, ярость в них уступает место смеси отвращения и страха, как будто он только что обнаружил омерзительное ядовитое насекомое. Он с усилием заставляет себя рассмеяться, чтобы скрыть свои истинные эмоции.

– Извини, но чем больше ты говоришь мне, что я не могу этого сделать, тем с большей вероятностью я это сделаю. Такой уж я человек. Всегда таким был, сколько себя помню. Так что, когда к нам подойдет девушка с тележкой, я брошусь к ней, я буду кричать и орать изо всех сил: «Сделайте что-нибудь с этим школьником!» Так что, если ты говоришь мне, что не хочешь, чтобы я это сделал, я это уж точно сделаю.

«Откуда у этого немолодого мужчины такая сила духа? Даже со связанными руками и ногами, даже когда я забрал у него его оружие, даже когда расстановка сил между нами предельно ясна, – как он может продолжать говорить со мной свысока? Единственная причина в том, что он меня старше. В сравнении с учеником средней школы он прожил на каких-то десять лет больше. – Принц не испытывает к Кимуре ни капли сочувствия. – И что ему дали все эти его бессмысленно прожитые тысячи дней?»

– Дедуля, я объясню тебе максимально доходчиво, чтобы ты наконец понял. Если не будешь выполнять мои указания, если что-то случится со мной, то с твоим сынулей, дедуля, в больнице приключится беда.

Кимура молчит.

Принц испытывает смешанные чувства: одновременно удовлетворение и уныние. Он старается сосредоточиться на удовольствии от созерцания человека в абсолютном отчаянии.

– У меня стоит кое-кто на стрёме поблизости от больницы в Токио. Той самой больницы, где лежит твой сын, дедуля.

– «Поблизости» – это где именно?

– Возможно, это означает *внутри* больницы. В любом случае достаточно близко, чтобы выполнить работу в случае необходимости.

– Работу?

– Если он не сможет связаться со мной, то сделает это.

– Что это значит – не сможет с тобой связаться? – Душевная боль Кимуры отражается на его лице.

– Он будет звонить мне каждый раз, когда синкансэн будет приезжать на станции. Омия, Сэндай, потом Мориока. Чтобы удостовериться, что со мной всё в порядке. Если я не отвечу, тогда он поймет, что что-то случилось.

– Кто это? Кто-то из твоих друзей?

– Нет. Как я уже говорил, люди делают что-то по самым разным причинам. Некоторые любят женщин, другие любят деньги. Поверь мне, есть взрослые, которые толком не отличают плохое от хорошего и могут сделать практически что угодно.

– И этот твой приятель – что он может сделать?

– Раньше он работал в компании, которая занимается медицинским оборудованием. Так что ему не трудно будет проникнуть в больницу и сделать что-нибудь с дыхательным аппаратом, к которому подключен твой сынуля.

– Вот как, это не будет для него трудно... Ничего у него не получится.

– Ну, мы этого не узнаем, пока он не попробует. Как я уже сказал, он ждет кое-где очень близко от больницы. Ждет сигнала. Все, что мне нужно сделать, – это позвонить ему и дать добро, и он управится со всем остальным. А если случайным образом позвонит мне, – помимо звонков по расписанию на каждой станции, – а я не отвечу спустя десять гудков, это тоже будет сигналом к выполнению работы. Если так случится, мой нетерпеливый приятель пойдет в больницу и займется оборудованием жизнеобеспечения твоего сына.

– Какой эгоистичный список правил... Повсюду одни сигналы к действию. А если мы окажемся там, где твой телефон не будет ловить сигнал?

– В последнее время в подземных тоннелях тоже были установлены антенны сотовой связи, так что не думаю, что мы окажемся вне зоны действия сети. Ну, тебе лучше надеяться на то, что так оно и есть. В любом случае, если ты, дедуля, выкинешь какую-нибудь глупость или дернешься не в ту сторону, я просто не возьму трубку, когда позвонит мой верный слуга. Возможно, я сойду в Омия, пойду в кино и выключу свой телефон на пару часов. К тому моменту, как я выйду из кинотеатра, в системе жизнеобеспечения твоего мальчика уже произойдет какая-нибудь непоправимая поломка.

– Ну ты и лживый выродок, – с ненавистью произносит Кимура.

– Я не лгу. Я всегда говорю правду. Может, это для тебя, дедуля, ложь – привычное дело...

По Кимуре видно, что он сейчас взорвется, но в конце концов он смиряется с собственным бессилием, и это окончательно лишает его сил. Он безвольно обмякает в кресле. Проводница проходит мимо, катя перед собой тележку, Принц подзывает ее и берет упаковку шоколадных драже. Его сердце прямо-таки ликует, когда он бросает

взгляд на сидящего по соседству Кимуру, крепко сжимающего челюсти и всего багрового от ярости.

– Если мой телефон зазвонит, будь внимателен, дедуля. Если я не возьму трубку после десятого гудка, случится непоправимое.

Фрукты

– Мандарин, что нам теперь делать? – Напротив Лимона сидит мелкий Минэгиси; его глаза закрыты, он не двигается. Его рот остается по-дурацки открытым, как будто он насмехается над ними. Это нервирует Лимона.

– А что мы можем сделать? – Мандарин деловито чешет щеку. То, что напарник растерян, что случается с ним крайне редко, придает Лимону немного уверенности:

– Это все потому, что ты оставил его без присмотра. Почему ты бросил мальчишку одного?

– Мне пришлось. Ты ведь сказал мне про чемодан, так что я должен был пойти с тобой и проверить. А чего ты еще ожидал после этого твоего заявления? Чемодан однозначно похищен... – Мандарин вздыхает. – Вот все у тебя не пойми как, все грубо и приблизительно: твои слова, твои действия, твой ход мыслей... Ты просто типичный обладатель третьей группы крови.

– Не суди обо мне по моей группе крови, – тотчас фыркает Лимон. – Нет никаких научных доказательств для подобного мнения. Только дурак может говорить о таких вещах серьезно. Если б это было правдой, то ты был бы организованным и пунктуальным просто потому, что у тебя вторая группа крови.

– Я *действительно* организован и пунктуален. И когда я выполняю свою работу, то делаю все четко и аккуратно.

– Ну и гордись своими победами... Слушай, я сам виноват во всех моих косяках, и моя группа крови тут ни при чем.

– Так оно и есть! – с готовностью отзывается Мандарин. – Твои провалы – прямое следствие твоего характера и полного отсутствия самокритики.

Мандарину кажется, что, стоя в проходе, он выглядит подозрительно, так что он наклоняется вперед и передвигает тело

мелкого Минэгиси на сиденье возле окна. Затем наклоняет его голову немного вперед и вниз, как будто тот дремлет.

– Ну вот; так будет казаться, что он просто уснул.

Мандарин садится на центральное место, а Лимон плюхается на место у прохода.

– Кто и зачем это сделал? Как он вообще умер?

Мандарин осматривает тело. На нем нет явных порезов и не видно крови. Взявшись пальцами за верхнюю и нижнюю челюсти, он широко открывает рот мальчишки и заглядывает в его горло, стараясь не наклоняться слишком близко на случай, если там осталось что-нибудь ядовитое.

– На теле никаких внешних следов.

– Яд?

– Возможно. Или, может быть, у него была на что-то аллергическая реакция и он умер от анафилактического шока...

– На что это у него могла быть аллергия?

– Понятия не имею. Я же не *создатель аллергий*, забыл? Кто его знает, может, для него это оказалось чересчур: похитили, потом спасли... отсутствие сна, полное изнеможение... сердце не выдержало.

– Это вообще возможно с точки зрения медицины?

– Лимон, ты когда-нибудь видел, чтобы я читал книги по медицине?

– Ты все время что-то читаешь.

Действительно, куда бы он ни шел, Мандарин берет с собой книги – даже на работу. И читает их в любое свободное время.

– Я люблю художественную литературу, а не учебники. Так что откуда мне знать, описаны ли в медицине случаи внезапной беспричинной остановки сердца.

– И что нам теперь делать? – Лимон хватается за свои волосы и с силой тянет. – Просто доехать до Мориока, прийти к Минэгиси и сказать ему: «Мы спасли вашего сына, но он без всякой видимой причины умер в синкансэне?»

– Не забудь добавить, что деньги тоже украдены.

– На месте Минэгиси я бы порядком рассердился.

– Я тоже. Пришел бы в настоящую ярость.

– Но его папаша только и делал все это время, что сидел в своей резиденции! Развлекался там в свое удовольствие! – Они оба не знали наверняка, но ходили сплетни, что старший Минэгиси вообще отправился в путешествие со своей любовницей и их общей дочерью. – Его сына похитили, а он не нашел ничего лучшего, как поехать в путешествие со своей бабой... Вот же говнюк!

– Его дочка учится сейчас в младшей школе – говорят, она просто прелесть. А ты посмотри на его наследничка – пустышка, безмозглый, бессердечный, испорченный мальчишка... Нетрудно догадаться, кого из своих детей он любит больше. – Не похоже, чтобы Мандарин шутил.

– Ну что же, теперь он безмозглый испорченный мальчишка, который вдобавок ко всему еще и мертв. Но, может быть, Минэгиси согласится с тобой и махнет на этот факт рукой?

– Ну уж нет. Представь себе, что у тебя есть машина, которая тебе самому, может, и не очень нравится, но вдруг кто-то разбивает ее. Ты все равно разозлишься. И потом, это вопрос его репутации.

– А-а-а, да что ж такое-то! – в отчаянии восклицает Лимон.

Мандарин прижимает палец к губам и шепотом просит его вести себя потише.

– Надо подумать.

– Думать – это по твоей части.

– Ну ты и дуралей...

Лимон начинает лихорадочно обыскивать все вокруг, начиная с тела и пространства возле окна, открывает раскладные столики на спинках передних сидений, пролистывает рекламные журналы, выдергивая их из карманов кресел.

– Чем ты занимаешься? – спрашивает Мандарин.

– Подумал, вдруг где-то осталась какая-нибудь зацепка... Но тут вообще ничего. Глупый богатенький мальчишка!

– Зацепка?

– Ну, например, написанное кровью имя убийцы или что-нибудь в этом роде... Могло бы быть, верно?

– Разве что в детективном романе. Но не в реальной же жизни.

– Да, наверное. – Лимон отрешенно засовывает рекламный журнал обратно в карман кресла, но продолжает осматривать сиденье и стену вокруг тела мелкого Минэгиси.

– Сомневаюсь, что у него было время оставить нам какую-нибудь зацепку, прежде чем он умер. Тут даже крови нет, как бы он смог написать послание кровью?

Лимона немного раздражает непоколебимая логика Мандарина.

– Вот так взял и умер, даже никакой зацепки не оставил, чтобы помочь нам раскрыть это дело... На будущее, Мандарин: если ты узнаешь, что кто-то хочет убить тебя, удостоверься, пожалуйста, в том, что ты оставил для меня несколько зацепок, прежде чем умереть.

– Какие именно зацепки я должен буду для тебя оставить?

– Ну, скажем, напиши мне имя убийцы или истинную причину твоей смерти... По крайней мере, дай понять, было ли это убийством, самоубийством или несчастным случаем. Иначе мне придется трудно.

– Если я умру, то это точно не будет самоубийством, – уверенно отвечает Мандарин. – Я люблю творчество Вирджинии Вулф и Юкио Мисимы^[20], но самоубийство не входит в мои планы.

– Вирджинии... кого? Это еще кто такая?

– В этих твоих поездках, которые у тебя с языка не сходят, разобраться намного сложнее, чем в книгах. Почему бы тебе не попробовать прочесть одну из тех книг, что я тебе советовал?

– Да мне с самого детства не было никакого дела до книг. Ты же знаешь, как много времени мне нужно, чтобы закончить одну-единственную книгу... Ты вот тоже, когда я рассказываю тебе про Томаса и его друзей, вообще меня не слушаешь. Сколько ни твержу

тебе их имена – никак не можешь их запомнить... Даже не знаешь, которого из них зовут Перси.

– Которого из них зовут Перси? Расскажи мне еще раз.

Лимон со значением прокашливается.

– Парсеваль – это маленький паровоз зеленого цвета. Он довольно хулиганистый и любит всякие проказы, но очень серьезно относится к работе. Он нередко подшучивает над своими друзьями, но сам довольно доверчив.

– Всегда удивлялся тому, как ты это все запоминаешь.

– Это написано на обменной карточке, которая прилагалась к моей игрушечной модели поезда. Как тебе это, а? Круто ведь, правда? Это простое объяснение, но в нем тоже есть глубина. Перси прикалывается над своими друзьями, но сам он всегда им верит, понимаешь? Это же ужас как трогательно. Я, когда до этого додумался, сам чуть не расплакался. В твоих книгах небось тоже есть такая глубина.

– Просто попытайся что-нибудь прочесть, и сам увидишь. Начни, например, с романа Вирджинии Вулф «На маяк».

– И что я из него пойму?

– Поймешь, сколь ничтожно существование каждого отдельного человека, что каждый из нас – это всего лишь крошечная жизнь среди бесчисленного множества других жизней. Осознаешь, что ты всего лишь легкая щепка, затерянная в бесконечно огромном океане времени, и тебя поглощают его волны. Это сильная книга, она тронет тебя до глубины души. Каждый маяк человеческой жизни угасает в одиночестве.

– И что вся эта хрень означает?

– Это слова одного из главных персонажей романа. Это значит, что каждый умирает. И что смерть одинока.

– Я не собираюсь умирать, – Лимон ухмыляется.

– Ты умрешь, и умрешь в одиночестве.

– Даже если умру, я все равно вернусь.

– С твоей упертостью может и так произойти... Но я когда-нибудь умру. В одиночестве.

– Вот, я тебе о том и говорю: как соберешься умирать, оставь мне какую-нибудь зацепку.

– Хорошо-хорошо. Если мне представится возможность понять, что меня вот-вот убьют, я сделаю все, что в моих силах, чтобы оставить тебе послание.

– Да, и когда будешь писать своей кровью имя убийцы, пиши разборчиво, чтобы никаких там инициалов или ребусов, хорошо?

– Не буду я ничего писать кровью... – Мандарин раздумывает некоторое время. – Слушай, а как насчет вот такого? Например, если у меня будет возможность поговорить с убийцей перед тем, как он со мной закончит, я передам ему для тебя сообщение.

– Сообщение?

– Я скажу что-нибудь такое, что его удивит и заинтересует. Например: «Передай Лимону, что ключ, который он ищет, находится в камере хранения на станции Токио». Что-нибудь в этом роде.

– Так я же не терял никакого ключа, зачем мне его искать?

– Это неважно. Я скажу что-нибудь, что зацепит его любопытство. Я уверен, что в конце концов он разыщет тебя и с невинным выражением лица попытается вежливо спросить: «Извините, а вы, случаем, не теряли какого-нибудь ключа?» Или просто пойдет и проверит камеры хранения на станции Токио.

– Ага, что-нибудь, что его заинтересует. Значит...

– И, если тебе встретится подобный человек, ты сразу поймешь, что это и есть тот, кто убил меня. Или что он имеет к этому непосредственное отношение.

– Это что, по-твоему, *зацепка*? Непонятно же ничего!

– Ну, я же не собираюсь передавать убийце сообщение, которое он с легкостью поймет. Ты что, думаешь, в таком случае он пойдет на сотрудничество?

– Ладно, слушай, – Лимон вдруг становится очень серьезен. – Я не собираюсь так просто умереть.

– Уверен, что нет. А если и умрешь, ты достаточно упорен, чтобы вернуться.

– Ты тоже, Мандарин. Ты и я, если мы умрем, обязательно вернемся.

– Как деревья, которые плодоносят каждую весну?

– Мы оба вернемся.

Синкансэн плавно раскачивается, въезжая в тоннель. Он приближается к подземной станции Уэно. За окном становится темно, и внутреннее пространство вагона отражается в почерневших окнах. Лимон достает из кармана кресла рекламный журнал и начинает читать.

– Эй, – тотчас одергивает его Мандарин. – Сейчас не время для развлечений.

– Я это уже сто раз говорил: думать – это по твоей части. Готовить моти – дело повара^[21], верно?

– Если я – повар, который готовит моти, то кто тогда ты?

Синкансэн начинает замедлять ход. Сначала появляются фонари на стенах тоннеля, затем они въезжают в просторное освещенное пространство. За окном возникает платформа. Мандарин встает со своего места.

– Ты в туалет? – спрашивает Лимон.

– Пойдем, – говорит Мандарин, пытаясь протиснуться мимо него в проход.

– Куда пойдем? – Лимон не понимает, что происходит, но серьезное выражение лица Мандарина производит на него впечатление, и он встает, чтобы последовать за ним. – Мы выходим? Тебе не кажется, что проехать на синкансэне всего одну остановку от станции Токио – это непозволительная роскошь?

Автоматические двери, ведущие в передний тамбур третьего вагона, открываются. За ними никого. Платформа скользит за окнами с левой стороны.

– Ты совершенно прав.

– Ты о чем это? – Лимон вопросительно вздергивает бровь.

– Сесть на синкансэн в Токио и сойти в Уэно – это роскошество. Можно же было взять билет на обычную электричку. Но кое-кто здесь выходит...

– Кто?

– Тот, кто украл наш чемодан и хочет сбежать с ним как можно быстрее.

– А-а, – Лимон понимающе кивает, – кажется, до меня дошло.

Он подходит поближе к дверям и постукивает указательным пальцем по стеклу окна.

– Если кто-нибудь сойдет на Уэно, это и будет наш вор.

Поезд начинает плавно тормозить.

– Будет легко понять, что у него в руках наш чемодан, хотя есть вероятность, что он засунул его в другую сумку. В любом случае это должна быть довольно большая сумка. Так или иначе любой, кто сойдет здесь с поезда, будет нашим главным подозреваемым. Если увидишь кого-нибудь, сразу беги за ним, – говорит Мандарин.

– Я?

– А я что, с кем-то другим разговариваю? Сам же сказал, что готовка моти – дело повара. Ты, может, никогда и не готовил моти и никогда не думал своей головой, но я знаю, что ты не раз преследовал самых разных подозрительных типов.

Раздается высокий звук тормозов, и поезд окончательно останавливается.

– А что мне делать, если их будет больше, чем один? – обеспокоенно спрашивает Лимон, пристально рассматривая платформу.

– Тогда тебе придется броситься вслед за самым подозрительным, – коротко отвечает Мандарин.

– А если подозрительных тоже будет сразу несколько человек? В последнее время практически все выглядят подозрительно.

Двери вагонов открываются. Мандарин выходит на платформу; за ним, не отступая ни на шаг, выходит Лимон. Они оба стоят снаружи поезда, внимательно глядя вдоль идеально прямой линии

выстроившихся один за другим вагонов – будет нетрудно заметить, если здесь кто-нибудь сойдет. У Лимона и Мандарина отличное зрение. Если там будет какое-нибудь движение, они обязательно заметят.

Но из поезда никто не выходит.

Примерно через два вагона от них, у дверей пятого или шестого вагона, стоит мужчина, указывающий пальцем внутрь вагона. У него на голове плоская кепка, больше в нем нет ничего примечательного.

Первый вагон поезда теряется вдаль, и Мандарин понимает, что он все равно не видит поезд на всю его длину.

– Трудно сказать, что происходит у первых вагонов, – ворчит он.

– Сомневаюсь, что вор находится в одном из них. Все вагоны после одиннадцатого – это «Комати»^[22], он поедет в Акита. А мы с тобой – в «Хаятэ». Сейчас «Комати» присоединен к нашему поезду, но между «Комати» и «Хаятэ» нет сквозного прохода для пассажиров.

– Ну конечно. Во всей этой железнодорожной хрени черт ногу сломит.

– Послушай, Мандарин, ты сам говорил мне однажды, что это не очень вежливо – называть что-либо «хренью».

Над платформой раздается мелодия, предваряющая отправление поезда. В поезд заходит некоторое количество новых пассажиров, но никто с него не сходит.

– И что нам делать? – спрашивает Лимон.

– Мы ничего не можем сделать, – отвечает Мандарин, – нам остается только вернуться обратно в поезд.

* * *

Тотчас после того, как они возвращаются в вагон, синкансэн возобновляет движение, постепенно набирая скорость и стремясь поскорее выбраться наверх, к дневному свету. Внутри тоже играет

веселая мелодия отправления со станции. Лимон тихо насвистывает ее, направляясь к своему месту, но его настроение тотчас портится, как только он видит мелкого Минэгиси, сидящего возле окна. Он чувствует себя так, будто ему напомнили о неприятной работе, которая обязательно должна быть сделана. Да, так оно и есть, у них теперь немало неприятной работенки.

– Ну, вот и мы, – Лимон садится на свое место у прохода, скрещивает ноги и принимает расслабленную позу. – Что теперь будем делать, Мандарин?

Как всегда, его вера в повара, который готовит моти, непоколебима, и он готов переложить на него всю ответственность^[23].

– Высока вероятность того, что вор все еще в поезде.

– Остались ли у меня еще патроны? – Лимон достает свой пистолет из наплечной кобуры, спрятанной у него под курткой. Он истратил бóльшую часть своего боезапаса, спасая богатенького мальчишку Минэгиси. – Осталась всего одна обойма.

Мандарин тоже проверяет свое оружие.

– У меня то же самое. Почти не осталось патронов. Я не предполагал, что они нам понадобятся для поездки на синкансэне. Плохо подготовился... – Затем он вытаскивает из отдельного кармана кобуры небольшой короткоствольный пистолет. – Еще у меня есть вот это, – говорит он с оттенком презрения.

– А этот у тебя откуда?

– Вчера, в том подвале, забрал у одного из парней, удерживавших Минэгиси. Он показался мне забавным, вот я и взял его.

– Забавным? В пистолетах нет ничего забавного. Даже если наклеить на пистолет наклейку с Томасом, он все равно не станет забавным. «Томас и его друзья» – это для детей. Так что забавные игрушки и пистолеты – это совершенно разные вещи.

– Не в том смысле забавный, – с невеселой усмешкой говорит Мандарин. – Он заклинен. Не может стрелять. Сам посмотри.

Он направляет пистолет на Лимона, который вздрагивает и отворачивается.

– Эй, не надо так делать. Это же опасно.

– Нет же, говорю тебе, он не выстрелит. Он выглядит как нормальный пистолет, но при нажатии на спусковой крючок из него не может вылететь пуля. Дуло вроде бы чистое, но внутри пробка. Это самовзрывающийся пистолет.

– Самовзрывающийся пистолет? Это что, как «Поезд-беглец»? [\[24\]](#)

– Лимон думает о фильме, который смотрел давным-давно. Сам фильм его не очень заинтересовал, но ему понравилось смотреть на поезда и локомотивы. Все это его просто завораживало: вращение колес, движение соединительных тяг, густой дым, клубами вырывающийся из труб, гудение рельсов, а больше всего – подавляющая сила мчащегося вперед стального локомотива. Он не помнил сюжет «Поезда-беглеца», но и теперь мог с легкостью представить себе главного персонажа, бесстрашно стоящего на крыше локомотива, несущегося по снежным просторам. «Тот мужик тоже наверняка очень любит поезда», – с теплотой отмечает про себя Лимон.

– Да нет же; если ты попытаешься выстрелить из этого пистолета, он взорвется.

– Зачем тебе такая штуковина?

– Это ловушка. Тот парень вел себя так, будто хотел, чтобы я его у него отобрал. Я это сделал, но если б он успел потянуть за спусковой крючок, то – ба-бах! – и он был бы тем, кто смеется последним.

– Хорошо, что ты это заметил... Как это вышло, что ты у нас такой осторожный?

– Это не я осторожный, это ты легкомысленный. Если есть кнопка, ты сразу на нее нажимаешь, а если видишь, что какой-нибудь шнурок болтается, сразу за него тянешь. Если тебе придет по почте загадочный конверт, ты его сразу же откроешь и заразишься каким-нибудь вирусом.

– Что да, то да... – Лимон выпрямляет ноги и встает, затем смотрит на Мандарина сверху вниз. – Я пойду посмотрю, – говорит он, указывая подбородком в сторону головы поезда, – нет ли там кого подозрительного. У нас есть немного времени, пока мы не прибудем в Омия.

– У кого бы он ни был, этот тип наверняка его спрятал и сидит где-нибудь тихонько, стараясь выглядеть совершенно непримечательно. Так что проверяй тех, у кого будут самые невинные лица.

– Понял.

– Только не показывай им, что ты их проверяешь. Нам не нужны неприятности. Действуй тихо и аккуратно.

– Хорош уже хрень пороть.

– Я где-то слышал, что называть что-то «хренью» не очень вежливо, – язвительно парирует Мандарин. – Давай, иди уже. Если мы не найдем его, пока не приедем в Омия, у нас будут неприятности.

– Что, серьезно?

Мандарин на мгновение теряет дар речи. «Как он мог забыть о чем-то подобном?»

– Один из людей Минэгиси ждет нас на станции.

– Что, серьезно? – Когда Лимон произносит это во второй раз, он вспоминает, что действительно кто-то должен будет ждать их прибытия, чтобы удостовериться, что мелкий Минэгиси и чемодан с деньгами в безопасности.

– Ты прав. Неприятности.

Божья Коровка

«Какая радость, что я тебя тут встретил», – как будто говорят сияющие глаза Волка, когда он сгребает Нанао за воротник, впихивает его обратно в тамбур и прижимает к противоположной двери.

Поезд покидает Уэно, все больше набирая скорость. За окнами пролетают городские пейзажи.

– погоди немного, пожалуйста. Мне нужно было сойти на Уэно, – пытается сказать Нанао, но Волк зажимает ему рот ладонью, а левым локтем упирается в его нижнюю челюсть, так что Нанао не может пошевелиться, пригвожденный к стеклу окна. Чемодан выпал из его руки и лежит теперь у двери с левой стороны. Нанао беспокоится, что из-за того, что синкансэн раскачивается, чемодан может куда-нибудь укатиться.

– По твоей вине я потерял один из задних зубов, – рычит Волк, и слюна пузырится в углу его рта, как будто он и впрямь настоящий волк, настигший свою добычу. – По твоей вине! По твоей вине!

«Так я и знал, – думает Нанао, – так я и знал: что-нибудь да произойдет. Вот оно и произошло». Ему больно оттого, что Волк давит на его челюсть своим локтем, но больше всего он обеспокоен сложившейся ситуацией. «Ну почему ни одно из моих заданий не может пройти гладко?» Теперь ему придется оставаться в поезде, пока он не прибудет в Омия, так что у него высок шанс повстречать настоящего владельца чемодана.

Ну и, конечно, вишенка на торте: Волк, выкрикивающий свои обвинения и мотающий башкой взад и вперед, отчего из-под его кепки и с длинных волос поднимается целая метель перхоти. Отвратительно.

Поезд накреняется, Волк теряет равновесие и выпускает Нанао.

– Я прошу прощения, прошу прощения, – извиняется Нанао так быстро, как только может. – Я против насилия, против насилия, – он

поднимает обе руки в немного театральном жесте. – Если мы устроим разборки в синкансэне, у нас обоих будут неприятности. Давай доедем до Омия, вместе сойдем и обсудим наши дела. – Но, даже предлагая так устроить дело, Нанао испытывает тоскливое чувство оттого, что потерянный шанс сойти в Уэно уже не вернуть, а это значит, что его дела уже начали медленно, но верно катиться под откос.

– Ты не в том положении, чтобы ставить мне условия, Божья Коровка.

Это прозвище выводит Нанао из себя. Он чувствует, как в его голове разгорается пламя. Многие коллеги называют его Божьей Коровкой. Не то чтобы он имел что-то против этих милых насекомых: маленькие, красненькие, с небольшим созвездием черных точек на спинке, что в них может быть дурного? Особенно Нанао любил божьих коровок с семью точками на спинке, потому что считается, что они приносят удачу; их даже называют *lucky seven* – «счастливой семеркой» – для такого неудачника, как он, это важно. Но совершенно ясно, что, когда другие люди называли его «божьей коровкой», они над ним просто издевались, сравнивая с крошечным, слабым жучком. Это его просто бесило.

– Да отвали ты! Что тебе вообще нужно?! – Едва Нанао произносит это, он видит блеснувший в руке Волка нож и напрягается. – Слушай, убери эту штуку. Что ты хочешь с ней делать? Если кто-нибудь увидит, у тебя точно будут неприятности.

– Не дергайся. Мы с тобой сейчас пойдем вместе в туалет, и я тебя там порежу. Но не переживай так сильно, я тоже на работе, так что у меня не будет достаточно времени сделать с тобой все, что я хочу. Если б у меня было достаточно времени, я заставил бы тебя визжать от боли... «Пожалуйста, умоляю, лучше убей меня!» – так бы ты запел, Божья Коровка. Но ты не волнуйся, я тебя быстренько обслужу. Чик-чик – и готово.

– Я не люблю туалеты в поездах.

– Это мне очень приятно слышать, потому что ты сдохнешь в туалете поезда. – Его глаза злобно сверкают из-под козырька кепки.

– Я на задании.

– Я тоже. В отличие от твоего, это действительно важное задание. Я тебе уже сказал, что у меня мало времени.

– Все ты врешь. Никто не дал бы тебе важное задание.

– Это правда! – Стоит задеть Волково болезненное самомнение, как его ноздри начинают раздуваться от негодования. Свободной рукой он шарит в кармане и извлекает оттуда фотографию. На ней девушка. – Знаешь ее?

– Откуда мне ее знать? – кривится Нанао.

Волк все время таскает с собой фотографии своих жертв – одну полученную от клиента и вторую, которую снимает сам, когда его работа закончена. У него целая коллекция снимков «до» и «после»: до и после избиения, до и после смерти – он ими очень гордится и обожает их всем показывать. Это еще одна его черта, которую Нанао ненавидит.

– Почему так получается, что это всегда девушки? Это потому, что ты Волк? Ищешь свою Красную Шапочку?

– Ты ее точно не знаешь. Это не обычная девушка.

– И кто она?

– Это месть, понимаешь, месть! Кое-кто жаждет кровной мести. И я точно знаю, где она находится.

– Хочешь разобраться с бывшей подружкой, которая тебя послала?

Физиономия Волка перекашивается.

– Слушай, ну не будь ты таким говнюком!

– Это говорит мне человек, который избивает женщин?

– Думай что хочешь. По-любому, я не должен тратить время на болтовню с тобой, потому что из всех говнюков ты – самых худший! А я – все равно как Хидэёси, пришедший за Акэти Мицухидэ!^[25] – С этими словами Волк засовывает фотографию обратно в карман.

Нанао едва ли может согласиться с тем, как Волк за уши притянул историческую ситуацию к своей собственной.

– Так что мне нужно спешить, и я быстро о тебе позабочусь, – добавляет Волк и подносит лезвие к горлу Нанао. – Ну как, страшно?

– Да, – Нанао понимает, что ему придется блефовать. – Не делай этого. *Пожалуйста, не делай этого. Пожалуйста, не делайте этого*, уважаемый господин Волк.

Если тут появится кто-нибудь из других пассажиров, это осложнит ситуацию. Даже если никто и не заметит нож, то увидят двух сцепившихся друг с другом мужчин – а это уже выглядит подозрительно. Решат, что что-то здесь не так. «Что мне делать, что мне делать?» – эти слова без остановки крутятся в его голове. Нож в миллиметре от его горла, он в любой момент может его порезать... Лезвие немного щекочет кожу.

Не выпуская из своего поля зрения нож, он бросает оценивающий взгляд на коренастую фигуру Волка. Нанао намного его выше, и если ему удастся вырвать из его руки оружие, то преимущество будет на его стороне. «Он открыт». Стоит Нанао это подумать, как он делает шаг в сторону, мгновенно оказывается позади Волка, просовывает руки через его подмышки и берет в захват, изо всей силы вдавливая свой подбородок в Волкову макушку.

– Эй, ты что, погоди! – хрипит обездвиженный Волк с заломленными за спину руками.

– Веди себя тихо, – говорит Нанао ему в ухо и перехватывает рукой за шею. – Ты сейчас будешь вести себя как взрослый человек и пойдешь на свое место. Мне не нужны неприятности.

Нанао прекрасно умеет ломать шеи. В молодости он тренировался в этом так же, как кто-то тренируется играть в футбол, пока не научился делать это не задумываясь. Если ты сумел добраться до чьей-то головы, дальше это уже вопрос угла и скорости – хорошенько крутани ее, и шея сломается. Конечно, у Нанао нет намерения сломать Волку шею. Он не хочет, чтобы все осложнилось

еще больше. Так что он просто еще сильнее сжимает голову своего противника и ограничивается угрозой:

– Я это сделаю, сломаю тебе ее.

– Я усёк, я все усёк, отпусти только, – испуганно тараторит Волк.

Синкансэн снова накрывается. Не слишком сильно, но, может быть, Нанао недостаточно крепко стоит на ногах, или у Волка подошвы ботинок скользят, но в этот момент они оба падают.

Нанао ударяется задницей об пол и чувствует, как его лицо заливается краской стыда. Затем он понимает, что все еще крепко удерживает голову Волка, вцепившись пальцами в его волосы. Волк тоже валяется на полу. Нанао ощущает короткий приступ паники от мысли, что тот мог случайно упасть на собственный нож, но на лезвии, которое все еще поблескивает в его руке, нет никаких следов крови. Нанао с облегчением выдыхает.

– Вставай давай. – Он отпускает волосы Волка и с силой пихает его в спину.

Голова Волка безвольно падает, как у младенца, который еще не научился ее держать.

«Быть того не может». Нанао растерянно моргает. Затем поспешно обходит Волка спереди и заглядывает ему в лицо. Выглядит Волк совсем не так, как должен: глаза выпучены, рот по-дурацки открыт. И, конечно, голова повернута совершенно неестественным образом.

– Быть того не может. Это неправда, – говорит Нанао, понимая, что уже слишком поздно. *Это правда.* Он упал, продолжая держать Волка за голову, и нечаянно сломал ему шею.

Его телефон издает вибровозвонок. Он отвечает, не удосужившись проверить имя звонящего. Есть только один человек, который может ему позвонить.

– На свете не существует такой вещи, как простая работа, – произносит Нанао в трубку, поднимаясь на ноги. Вставая, он поднимает и мертвое тело Волка, стараясь удержать равновесие, – это не так просто, как можно бы было подумать. Все равно что пытаться удержать в руках гигантскую марионетку.

– Почему ты не позвонил мне?! Поверить в это не могу! – раздраженно кричит Мария. – Где ты сейчас?! Ты ведь вышел на Уэно, верно?! Чемодан у тебя?!

– Я все еще в синкансэне. Чемодан у меня. – Он пытается заставить свой голос звучать так, как будто ничего не произошло, не отрывая взгляда от чемодана, который откатился к противоположной двери. – Я не вышел на Уэно.

– Почему? – В ее тоне проскальзывают колючие нотки. – Что стряслось?! – Она повышает голос, потом берет себя в руки и старается говорить как можно спокойнее. – Тебе нужно было просто сесть на поезд в Токио и сойти в Уэно; это что, такая сложная работа? Чем ты вообще можешь заниматься? Стоять на кассе?.. Нет, скорее всего, нет, это довольно сложная работа, в ней много нюансов и непредвиденных ситуаций, это слишком трудно для тебя. Я была уверена, что ты сможешь просто сесть на поезд на станции Токио. Выясняется, что ты действительно можешь сесть в поезд, но вот выйти из поезда для тебя уже чересчур. Теперь мне придется подыскивать для тебя работу, предполагающую только первое.

Нанао с трудом подавляет желание расколотить телефон об пол.

– Я пытался сойти на Уэно. Дверь была открыта, мне оставалось сделать один шаг – и я был бы на платформе. Но тут я встретил его, и он вперся в поезд. Именно *он* был на платформе и стоял напротив моего вагона и именно напротив моей двери. – Опускает взгляд на безвольно прислонившегося к нему Волка. – И теперь он тут со мной.

– Он – это кто? Бог синкансэнов? Он что, возник перед тобой на платформе и сказал: «Ты не сойдешь!»?

Нанао пропускает мимо ушей ее детскую шутку.

– Волк, – произносит он тихо. – Тот мерзкий тип, который берет только те задания, где нужно избивать девушек и мучить животных.

– А-а, Волк... – Голос Марии наконец меняется, в нем появляется беспокойство. Правда, беспокоится она не о безопасности Нанао, а о проблемах, которые могут возникнуть с выполнением задания. –

Он, должно быть, страшно тебе обрадовался... У него ведь с тобой счеты.

– Он был так счастлив, что бросился со мной обниматься.

Мария молчит – по всей видимости, обдумывает ситуацию. Нанао зажимает телефон между плечом и ухом и сам обхватывает Волка обеими руками, размышляя, куда бы пристроить его тело. «Может быть, засунуть его в туалет, где он хотел прикончить меня?» Но он тотчас отказывается от этой идеи. Конечно, затолкать мертвое тело в туалетную комнату проще простого, но потом он изведется от беспокойства, думая о том, что его могли найти, будет постоянно туда бегать, чтобы проверить, и это может привлечь лишнее внимание.

– Так ты расскажешь мне, что произошло? – снова раздаётся в трубке голос Марии; на сей раз ей любопытно.

– Ну, в данный момент я ищу место, где бы спрятать его мертвое тело.

По ту сторону трубки снова звенит тишина. Затем Мария спрашивает:

– Но что *произошло*? Волк вошел в поезд и обнялся с тобой. А теперь он мертв. Что произошло между этими двумя событиями?

– Да практически ничего. Он выхватил нож и приставил мне к горлу. Сказал, что убьет меня.

– За что?

– Потому что он ненавидит меня. Потом я вывернулся, взял его в захват и пригрозил сломать ему шею. Но я просто угрожал – я не собирался действительно это делать. А потом поезд сильно качнуло.

– С поездами такое время от времени происходит. Так значит, вот как это произошло...

– Я просто не могу поверить, что этот засранец появился именно в этот момент, – в голосе Нанао слышно страдание.

– Не говори о мертвых плохо, – серьезно отвечает Мария. – Тебе вовсе не нужно было его убивать, знаешь ли.

– Да не собирался я его убивать! Он поскользнулся, мы оба упали, и его шея сломалась. Это не было ошибкой, это была воля Провидения.

– Мне не нравятся мужчины, которые занимаются самооправданием.

– Не говори плохо о живых, – пытается пошутить Нанао, понимая, что сейчас для этого не самое подходящее время. – Так или иначе он сейчас висит на мне, и я ума не приложу, что делать с его трупом.

– Ты можешь оставаться в тамбуре, продолжать обнимать его и сделать вид, что вы целуетесь. – Мария явно немного нервничает.

– Двое мужчин обнимаются в поезде на протяжении всего пути до Омия... Звучит как-то не особенно реалистично.

– Если тебе нужен реалистичный план, то как тебе такой: найти подходящее свободное место и посадить его туда? Только нужно быть осторожным, чтобы никто ничего не заметил. Можно посадить его на твое место, а можно попробовать найти его билет и посадить его на его же место.

«Ну конечно!» Нанао кивает. Это звучит довольно разумно.

– Ты меня просто спасла. Так я и поступлю.

Он замечает, что из нагрудного кармана дешевой джинсовой куртки Волка выглядывает мобильный телефон, и забирает его, подумав, что он может пригодиться. Сует его в один из карманов своих брюк-карго.

– Не забудь про чемодан, – добавляет Мария.

– Спасибо, что напомнила; чуть было и вправду про него не забыл.

В трубке слышен ее вздох.

– Просто присмотри за ним. А я посплю немного.

– Сейчас же утро!

– Я всю ночь не спала, фильмы смотрела. Дома. Все шесть эпизодов «Звездных войн».

– Тогда я сейчас отключаюсь. Позвоню тебе позже.

Кимура

Кимура изо всех сил выворачивает свои суставы, пытаясь освободиться от скотча, стягивающего запястья, и сбросить плотные петли веревки, которой перемотаны лодыжки, но узлы нисколько не ослабевают.

«Есть один секрет, чтобы сделать это, Юити». В его памяти вдруг всплывает незванное воспоминание. Кто-то называет его по имени. Сцена, о которой он не вспоминал уже много лет – быть может, ни разу с того времени, как она произошла: дом, в котором он вырос, мужчина двадцати лет, чьи ноги и руки крепко связаны... «Ну-ка, посмотрим, как тебе удастся выпутаться, Сигэру», – смеется его отец. Его мама стоит рядом, она тоже от души смеется, и Кимура, который еще даже не пошел в младшую школу, присоединяется к родителям. Этот Сигэру был бывшим работником его отца, который продолжал навещать их время от времени. В нем было что-то дерзкое, как в молодом атлете, и он был честным и открытым парнем, этот Сигэру. Он считал отца Кимуры кем-то вроде своего наставника, и, похоже, был также очень привязан к маленькому Кимуре.

«Твой отец был очень строгим начальником, Юити. Так что его хоть и звали Кимура Сигэру, а все называли его не иначе как Кондором»^[26]. Юношу и отца Кимуры звали одинаково – «Сигэру», что, по всей видимости, и послужило их сближению. Когда отец и Сигэру вместе выпивали, последний часто жаловался на свою работу: «Очень, знаете ли, тяжелая. Так что я подумываю найти себе что-нибудь другое». Несмотря на то что взрослые старались говорить тихо, маленький Кимура слышал их разговоры и понимал, что взрослая жизнь полна проблем, а взрослые не всегда такие сильные, какими кажутся. В какой-то момент пути его семьи и Сигэру разошлись. Что Кимура о нем помнил, так это тот эпизод, когда Сигэру повторил трюк с освобождением, виденный им в

телевизионном шоу. «Я тоже так могу», – заявил парень, увидев, как фокусник с легкостью выпутывается из связывавшей его веревки.

Но в тот самый момент, когда Сигэру показывал, как именно нужно выпутываться из веревки, Кимура рассеянно перевел взгляд на происходящее в телевизоре.

«Как же он это сделал? Как ему это удалось? Неужели в этом воспоминании нет ни единой зацепки?»

Кимура отчаянно копает спящую гору своей памяти в надежде извлечь из нее жизненно важную крупицу информации, какой-нибудь ключ к тому, как же Сигэру удалось освободиться, – но не находит там ничего.

– Дедуля, подожди меня немного, лады? Я только в туалет схожу. – Принц встает и делает шаг в проход.

Кимура смотрит на него, на его дорогой пиджак: совершенно очевидно, что мальчишка из богатой семьи, которому никогда ни в чем не было отказа. «Не могу поверить, что я должен выполнять приказания такого сопляка», – мучительно размышляет Кимура.

– Может, принести тебе выпить? – издевательски спрашивает Принц. – Маленькую баночку сакэ? – Отпустив эту омерзительную шутку, он удаляется в направлении хвоста поезда.

Кимура вспоминает, что туалет в противоположной стороне к ним ближе, но не собирается выдавать эту информацию.

«Нет сомнений в том, что этот мальчишка из богатой семьи, у него все есть. Всего лишь богатый испорченный школьник». Он думает о том, как впервые встретил Принца несколько месяцев назад...

* * *

В небе громоздились тяжелые кучевые облака, между которыми не было видно ни единого просвета, когда Кимура под утро вернулся домой с дежурства в больнице Кураи-тё, где работал охранником. Когда он пришел домой, Ватару пожаловался на боль в

животе, и Кимура отвел его к педиатру. Обычно он отводил сына в детский сад и сразу же ложился спать, но в тот день у него не было такой возможности; голова у него кружилась и болела от усталости. К тому же в больнице оказалось неожиданно много народа. И, разумеется, Кимура не мог выпить в комнате ожидания. Он заметил, что у него дрожат руки.

Ему казалось, что у всех остальных детей в комнате ожидания симптомы гораздо легче, чем у Ватару. Он чувствовал нарастающее раздражение, рассматривая их лица, казавшиеся ему масками притворного страдания. «Чертовы симулянты; им следовало бы пропустить вперед тех, кто по-настоящему мучается», – со злостью думал Кимура. Вид других родителей тоже вызывал у него отвращение. Каждый раз, когда из кабинета выходила и заходила обратно медсестра, его взгляд прилипал к ее заднице.

В конце концов выяснилось, что у Ватару симптомы тоже легкие. Прямо перед тем, как их вызвали, он повернулся к отцу и виновато прошептал: «Папочка, по-моему, мне лучше». Но Кимура не хотел возвращаться домой, так и не попав на прием к врачу после такого долгого ожидания, так что он сказал Ватару прикинуться, что у него все еще очень болит живот, так что его осмотрел врач и выписал ему лекарство, после чего они покинули клинику.

– Папочка, ты пил, да? – неуверенно спросил Ватару, когда они вышли из здания на улицу.

Когда Кимура услышал, что его сын чувствует себя лучше, он сделал глоток из небольшой, всегда имевшейся у него при себе бутылки. Ватару, по-видимому, это заметил.

«Если боль Ватару будет продолжаться или усилится, от переживаний я точно напьюсь, так что лучше сейчас немного промочить горло», – подумал Кимура, вытащил из кармана бутылку, отвернулся к стене, чтобы другие пациенты и их родители, ожидавшие приема, не видели, что он делает, и отхлебнул немного – самую малость, можно сказать, разве что язык намочил. В бутылке был дешевый бренди. Кимура всегда носил ее с собой на работу,

чтобы у него была возможность сделать глоток, когда ему это было необходимо. Он говорил себе, это подобно тому, что человек с аллергией всегда имеет при себе спрей с лекарством. Если у него не будет алкоголя, он не сможет сосредоточиться и выполнять свою работу охранника. Его руки будут дрожать, он может уронить свой фонарик при обходе, и ничего хорошего из этого точно не выйдет. Так что у него всегда должно быть наготове лекарство от его хронического заболевания. Его рассуждения в конечном итоге сводились к аксиоме: «Алкоголь необходим мне для выполнения моей работы».

– Ватару, ты знал, что бренди – это дистиллированный спирт, а процесс дистилляции был изобретен в древней Месопотамии?

Конечно же, Ватару ни о чем подобном понятия не имел. Все, что он знал, – это то, что папочка снова выдумывает какие-то оправдания и приплел ко всему какую-то непонятную «Мэ-со пота-потапию» – по крайней мере, слово смешное.

– По-французски дистиллированный спирт называется *eau de vie*. Знаешь, что это значит? Это значит «вода жизни». Разве не здорово – «вода жизни»! *Вода жизни*, – повторил Кимура, и просто от произнесения этого словосочетания настроение у него улучшилось. Так и есть: дешевый бренди из бутылки – это его спасение, его жизненно необходимое лекарство.

– Но доктор удивился, что от тебя пахло алкоголем, папочка...

– У него же была маска на лице, у этого доктора.

– Но даже в маске ему не понравился запах.

– Это же вода жизни; какая разница, какой у нее запах. Уж врач-то должен это понимать, – проворчал Кимура.

– Я хочу писать, – сказал Ватару, когда они шли по торговой улице по пути к их дому.

Кимура отвел его к ближайшему зданию, целиком состоявшему из модных магазинов одежды для подростков, чтобы поискать там туалет. На первом этаже ничего не оказалось, и им пришлось подняться на эскалаторе на второй этаж (пока они ехали, Кимура

проворчал себе под нос несколько крепких ругательств), чтобы пройти по казавшейся бесконечной галерее магазинов и оказаться наконец возле туалетов в противоположном конце здания.

– Ты же можешь дальше сам справиться, приятель? Я тебя здесь подожду. – Он легонько хлопнул Ватару по попе и сел на скамейку, стоявшую в коридоре рядом с туалетами. Прямо напротив него в магазине европейской брендовой одежды сидела симпатичная продавщица с большой грудью и вдобавок с глубоким вырезом обтягивающей футболки, так что он собирался посидеть тут и немного развлечься, рассматривая ее.

– Ага, я могу сам справиться, – гордо заявил Ватару, развернулся и скрылся за дверью туалета.

Он вернулся почти сразу же. Кимура опустил взгляд на свои руки и увидел в них бутылку с бренди. «Когда я успел ее достать? Не помню. Крышка закрыта, значит, я еще не успел выпить». Он как будто восстанавливал порядок действий другого человека.

– Быстро ты... Пописал хоть?

– Пописал. Но там было полно!

– Полно? Полно мочи?

– Нет, полно старших мальчиков.

Кимура поднялся со скамейки и со словами «Каких таких старших мальчиков?» направился к дверям мужского туалета.

– Папочка, они были какие-то странные, – Ватару потянул его за рукав, – давай лучше пойдем домой.

Кимура не обратил на его просьбу никакого внимания. Так, значит, там кучка мальчишек-подростков, которые курят «травку» или обсуждают какую-нибудь гадость, планируют обокрасть магазин или что-нибудь в этом роде... Разобраться с этими сопляками будет для него отличным способом немного выпустить пар. Кимура чувствовал гнетущее раздражение, вызванное недостатком сна и в большей степени – недостатком алкоголя в его организме, так что компания мальчишек подвернулась как нельзя кстати.

– Подожди меня здесь, – сказал он Ватару и оставил его одного на скамейке.

Там было пятеро учеников средней школы в школьной форме, с по-детски невинными лицами. Туалет был просторный, с рядами писсуаров вдоль двух стен и четырьмя кабинками возле одной. Мальчишки собрались у кабинок. Они мельком взглянули на вошедшего Кимуру и вернулись к своей мини-конференции. Тот как ни в чем не бывало остановился у ближайшего к ним писсуара и расстегнул ширинку. Пока моча лилась в белую фаянсовую чашу, он прислушивался к тому, о чем болтали школьники. Возможно, это была просто бессмысленная болтовня, или же они планировали какую-нибудь дурацкую шутку. Кимура подумал, что нужно их как-нибудь задеть. Он давно уволился со своей беспокойной работы, но это не означало, что ему разонравилось причинять другим беспокойство.

– И что нам теперь делать? – слышался за спиной Кимуры злой голос одного из школьников.

– Кому-нибудь придется объяснять это Принцу.

– Да, только вот кому? Это ведь ты сдрейфил и сбежал в последний момент.

– Ничего подобного. Я был готов это сделать. Это Такуя сдрейфил. Сказал, что у него живот болит.

– У меня *правда* заболел живот.

– Вот сам и скажи это Принцу. «Ой, у меня вдруг живот заболел, так что я не смог сделать то, что ты сказал!»

– Ну уж нет! Я и в прошлый-то раз шок едва выдержал. Если будет еще сильнее, я просто умру.

Затем они замолчали.

Кимура не знал подробностей дела, которое они обсуждали, но по услышанным отрывкам разговора мог достроить общую картину.

У этих пацанов из средней школы был лидер. Возможно, их одноклассник, или старшеклассник, может быть даже взрослый, но кто-то, кто отдавал им приказы. Скорее всего, тот самый Принц,

которого они обсуждали. Дурацкая кличка. И так, они обманули ожидания его высочества, не выполнив какой-то из его приказов, – подвели его, значит. Из-за этого Принц, скорее всего, рассердится. И теперь эти мальчишки пытаются придумать, что ему сказать и кто возьмет на себя вину. Для этого они и собрались на совещание в сортире. Вот в чем дело. «Крестьяне должны собрать достаточный оброк, чтобы их господин остался доволен», – ошеломленно подумал Кимура, отметив про себя попутно, что струя мочи, лившаяся в писсуар, все никак не может иссякнуть.

Одного он никак не мог понять: один из мальчишек упомянул шок. Что, имелся в виду электрошок? В голове у Кимуры возникла картина смертной казни с использованием электричества, применявшаяся в Америке. Электрический стул. Но он не мог представить себе, чтобы мальчишка говорил о чем-то подобном. Но ведь потом он сказал: «Если будет еще сильнее, чем в прошлый раз, я умру», – и это потрясло Кимуру. Десятилетним мальчишкам ничего не стоит сказать что-нибудь вроде «я умру», «я убью тебя», «меня убьют», – они относятся к этим вещам гораздо легче, чем эти вещи того заслуживают, и не придают разговорам о смерти никакого значения. Но здесь было другое. Кимура чувствовал, что этот мальчишка действительно беспокоится о возможности собственной смерти.

Он наконец закончил. Застегнув ширинку, сделал шаг к детям.

– И что вы, детишки, делаете в таком грязном месте? Вы тут всем мешаетесь. И кто в итоге будет приносить извинения его высочеству Принцу?

Он сделал еще один шаг вперед и вытер свою невытую правую руку о плечо ближайшего к нему подростка, самого мелкого из пятерых.

Они мгновенно развернулись, перестроились из тесного кружка в ровный ряд, и все как один уставились на Кимуру. На всех пятерых была та же самая школьная форма, но теперь они выглядели иначе – изменились не только их позы, но и выражения их лиц. Один был

высокий, его дерзкое лицо покрывали юношеские прыщи; у другого была короткая стрижка; третий был толстый и с глупой физиономией. Они хотели выглядеть угрожающе, но, с точки зрения Кимуры, это были всего лишь маленькие дети.

– Вы, ребята, можете сколько угодно здесь советоваться, но так ничего и не решите. Не лучше ли просто пойти и извиниться перед этим вашим Принцем? – Кимура хлопнул в ладоши, и мальчишки вздрогнули от неожиданности.

– Не твое дело!

– Проваливай отсюда, старикан!

Вид таких безобидных мальчишек, которые строили из себя крутых, заставил Кимуру улыбнуться.

– Вы, ребята, небось перед зеркалом тренируетесь строить такие страшные лица? Я хочу сказать, что и сам так делал, когда учился в средней школе. Насупить брови, типа на что ты пялишься, придурок? Типа того. Это требует практики. Но, скажу вам как на духу, это все совершенно бесполезно. Как только закончится подростковый период и вы повзрослеете, самым смешно станет. Так что лучше посмотрите порнушку в интернете – больше толка будет.

– От этого типа несет перегаром, – сказал тот, что был с короткой стрижкой. Он был хорошо сложен и выглядел старше своих лет, но то, как он преувеличенно поморщился, зажав пальцами нос, выдавало в нем маленького мальчика.

– Так что вы сегодня пытались сделать, ребята? Может, расскажете такому старикану, как я, и он сможет вам помочь по-дружески, а? Чего хотел от вас этот ваш Принц?

Поначалу школьники только насупленно молчали. Затем один из них – тот, что стоял дальше всех от Кимуры, спросил:

– А ты это откуда знаешь?

– Я подслушал вашу болтовню, пока писал. Большую часть услышал. – Он по очереди окинул взглядом каждого из пятерых. – Так что, вам нужен мой совет? Я буду рад помочь вам с вашим

мучительным выбором. Может, расскажете старикану про вашего Принца?

Они молчали, обмениваясь друг с другом взглядами, как будто у них было тайное совещание.

– Да ладно, вы что, правда подумали, что я стану давать вам советы?! – неожиданно заорал Кимура. – Да я просто пошутил! Это была шутка! С чего бы мне давать советы кучке придурков вроде вас? Уверен, что на большее, чем залезть в секс-шоп или побить одноклассника, вы не способны! Что в этом такого страшного?

Но они совсем не выглядели успокоенными – напротив, их лица были сосредоточенны, как будто происходил какой-то очень важный разговор. Кимура удивленно нахмурился. «Почему они так напуганы?» Он направился к раковине и наконец помыл руки. В отражении в зеркале увидел, что мальчишки снова встали в круг и возобновили свою дискуссию, еще более сосредоточенные и напряженные, чем прежде.

– Ладно, извините, что так скверно подшутил над вами. До скорого. – Он вытер мокрые руки о школьный пиджак одного из них – не того, которого он раньше потрепал за плечо; но на этот раз они, похоже, даже не заметили этого.

Кимура вышел из туалета.

– Ватару, папочка вернулся! Прости, что заставил тебя ждать...

Но Ватару не было на скамейке. Кимура покрутил головой в разные стороны. Куда он мог запропасться?.. Посмотрел вдоль коридора между магазинами, но Ватару нигде не было видно.

Почти бегом он бросился в магазин, где сидела продавщица с большой грудью, и подскочил к ней чуть не вплотную.

– Эй, ты!

Поднимая на него свои большие глаза, она неторопливо провела рукой по каштановым волосам, накручивая пряди на пальцы. На лице ее читалось недовольство, хотя он не мог сказать, что именно ей не понравилось: то, что он так грубо к ней обратился, или же разивший от него запах перегара.

– Не видела здесь маленького мальчика, примерно вот такого роста, – Кимура показал ладонью на уровне своего бедра.

– А... – ответила она неуверенно. – Я видела, как он пошел туда. – Она показала на коридор за магазинами.

– Туда? Зачем ему понадобилось туда идти?

– Не представляю. Но он был с другим мальчиком.

– В смысле, с другим мальчиком? – Кимура повысил голос. – Другом из детского сада?

– Я подумала, что это, наверное, его старший брат. Он выглядел как ученик средней школы. Аккуратно подстрижен, хорошо одет; видать, из богатой семьи...

– Мальчик из богатой семьи? И кто это, по-твоему, был?

– Да откуда же мне знать?

Не сказав девушке спасибо, Кимура бегом бросился из магазина. Вдоль по коридору, за угол, безумно озираясь по сторонам. «Ватару, куда ты ушел, где ты?! Где же ты?!» Он представил себе презрительный взгляд его бывшей жены, как она спрашивает его: «Ты вообще способен позаботиться о собственном ребенке?» Его бросило в пот, а пульс участился, и в висках словно застучал молот.

Когда он наконец нашел Ватару возле движущихся вниз эскалаторов, почувствовал такое облегчение, что готов был опуститься на колени. Его сын держался за руку с мальчиком в школьной форме. Кимура рывкнул на них и вырвал руку Ватару из руки незнакомого мальчика. Несмотря на резкость этого действия, тот остался совершенно невозмутимым. Он спокойно посмотрел на Кимуру и спросил Ватару:

– Так это и есть твой папочка?

Мальчик был примерно сто шестьдесят пять сантиметров ростом, немного худощавого сложения, с длинноватыми иссиня-черными волосами, которые, казалось, были легкими, как пух. Его глаза со складкой верхнего века были большими и ясными и как будто сверкали, как глаза кошки в темноте. «Он выглядит почти как женщина», – подумал Кимура. По его спине внезапно пробежал

холодок, словно его действительно пристально рассматривала привлекательная женщина, и он про себя невесело усмехнулся.

– Чем ты тут занимаешься?! – Кимура сжал руку Ватару и притянул его к себе. Он сказал это мальчишке в школьной форме, но Ватару решил, что отец его ругает.

– Он сказал, что мой папочка пошел сюда, – робко проговорил мальчик с виноватым выражением лица.

– Сколько раз я говорил тебе не доверять незнакомцам?! – Тон Кимуры был резким, но как только он произнес это, подумал о том, сколько раз его родители, дедушка и бабушка Ватару, осуждали его за то, что он не говорит мальчику подобных вещей.

Кимура повернулся и грозно спросил у красивого школьника:

– Кто ты такой?

– Я ученик средней школы Канояма, – мальчишка выглядел спокойным и собранным, как будто просто делал то, что сказали ему школьные учителя. – Мои друзья заболтались в туалете, и я подумал, что они могли напугать этого маленького мальчика, так что просто решил с ним прогуляться и увел его подальше оттуда. А потом он сказал, что не знает, где его папа, и я повел его к стойке информации.

– Я тоже был в туалете. И Ватару это знал. Не пытайся мне лапши на уши навешать, говоря правильные слова.

Ватару, похоже, был уверен, что отец сердится на него, поэтому втянул голову в плечи и только жалобно смотрел на Кимуру.

– Ну, это странно, потому что он не сказал мне, что знает, где вы находитесь. – Ученика школы Канояма было не так-то просто сбить с толку; он даже не покраснел нисколько, услышав в свой адрес обвинения. – Может быть, он счел мою манеру речи пугающей и побоялся со мной заговорить... Я ведь волновался за него, так что мог быть чересчур строгим.

Кимуре это не понравилось. Даже больше, чем то, что этот мальчишка увел Ватару. Его беспокоило спокойствие этого мальчика, то, что он не казался даже чуть-чуть задетым жестким допросом,

который учинил ему Кимура. Не похоже было, что мальчишка грубиян или, наоборот, проницательный хитрец – нет; но было в нем что-то тревожащее. Какое-то лукавство или даже коварство сквозило в его вежливых спокойных ответах.

Уже собираясь уйти вместе с Ватару, Кимура сказал:

– Те дети в туалете говорили о каком-то Принце. И выглядело это так, что у них там секретное собрание.

– Принц – это я, – беззаботно ответил мальчишка. – Меня зовут Оджи; записывается теми же иероглифами, что и «принц»^[27]. Странное имя, правда? Многие находят это забавным и, вместо того чтобы называть меня Сатоши Оджи, зовут меня Принц Сатоши или просто Принц. И да, просто чтобы вы знали: мы с друзьями могли устроить секретное собрание в туалетной комнате, но мы не курили там «травку» и ничего противозаконного не делали. – С этими словами он развернулся и как ни в чем не бывало зашагал к туалетам.

* * *

Принц возвращается в вагон и отвлекает Кимуру от его воспоминаний.

– Что ты собирался сделать с Ватару в тот первый раз, когда мы встретились? – спрашивает его сидящий со связанными руками и ногами Кимура.

– Я хотел кое-что проверить, – сладким голосом отвечает Принц. – Я слушал, что говорят мои одноклассники в туалете.

– Слушал? Ты что, спрятался там где-то и подслушивал?

– Нет, просто один из моих друзей спрятал маленькое устройство в кармане своего форменного пиджака.

– У тебя был шпион? – Это слово кажется Кимуре немного детским, и он чувствует, как его лицо краснеет от смущения. – Ты беспокоился, что твои люди будут говорить о тебе гадости за глаза?

– Не совсем так. Я не имею ничего против того, чтобы люди плохо обо мне говорили. Но если б они заподозрили, что их слушают или что среди них есть шпион, между ними начался бы разлад. Они перестали бы доверять друг другу. Это мне и было нужно.

– Какое это имеет отношение к нашей ситуации?

– Как я и сказал, все, что я делал, это только слушал их беседу. Позже я собирался дать им понять, что среди них есть шпион, чтобы они с ума посходили от взаимных подозрений. На самом деле в конце концов так и получилось. Но когда я стоял там и слушал, я заметил, что твой мальчик смотрит на меня. Выглядело так, будто он мною заинтересовался, и я подумал, что могу с ним немного поиграть.

– Ему шесть лет. Не могу себе представить, что у него в голове было что-то определенное, когда он смотрел на тебя.

– Я знаю. Но он просто подвернулся мне под руку, и я захотел с ним поиграть. Я хотел узнать, что будет от этого с маленьким ребенком.

– Что будет от чего?

– От электрического шока, конечно. Я хотел посмотреть, как ребенок его возраста отреагирует на высокое напряжение. – Он показывает на свой рюкзак, где спрятан электрошокер. – Я хотел испытать его, но тут появился ты, дедуля, и все мне испортил...

Фрукты

Лимон начинает осмотр в направлении головы поезда, для начала направляясь в четвертый вагон. Он пытается вспомнить, как выглядел потерянный чемодан. «А действительно, что это был за чемодан?»

Когда Лимон учился в младшей школе, его учительница с удивлением пожаловалась его бабушке и дедушке, что он способен запомнить только то, что ему самому интересно. «Он с удивительной точностью может описать каждое фантастическое устройство из тех, что использовал Дораэмон^[28] в каждом томе манги, – заметила учительница, – но не способен запомнить имя директора школы». Лимон искренне недоумевал, чем была так расстроена учительница. Если выбирать между именем директора и прикольными гаджетами Дораэмона, выбор того, что интереснее и важнее, был совершенно очевиден.

Чемодан вроде был примерно шестьдесят сантиметров в высоту и примерно сорок сантиметров шириной. У него была ручка. У него имелись колесики. Он был черный, сделан из какого-то плотного материала, прохладного на ощупь. У него также был кодовый замок с четырьмя цифрами кода, но Лимон и Мандарин не знали комбинации.

– Если мы не знаем код, как же будем торговаться с похитителями? – Лимон не удержался от этого вопроса, когда они договаривались с людьми Минэгиси и забирали чемодан. – Мы же не сможем показать им, что деньги действительно у нас! Как мы должны, по-вашему, выполнить работу?

Ему ответил Мандарин – как всегда, очень рассудительно и логично:

– Они беспокоятся не о похитителях, а о нас. Считают, что мы можем сбежать с их деньгами.

– Какого хрена?! Если они нам не доверяют, то зачем они наняли нас на эту работу?

– Не переживай так. Если б тебе была известна комбинация, разве тебе не захотелось бы открыть чемодан?

Позже Мандарин предложил пометить их чемодан. Он вытащил из кармана какую-то детскую наклейку и прилепил ее рядом с замком.

«Точно, на чемодане должна быть наклейка Мандарина».

Перед дверями четвертого вагона Лимон встречает девушку с тележкой. Кажется, она сверяет количество товара и вбивает цифры в небольшое портативное устройство.

– Эй, ты не видела тут кого-нибудь с черным чемоданом, примерно вот таких размеров? – без лишних церемоний спрашивает он.

– А? – Она вздрагивает от неожиданности, затем быстро переспрашивает: – С чемоданом?

Из-за темно-синего передника сотрудницы торговли, надетого поверх железнодорожной униформы, девушка выглядит очень домашнему.

– Ну да, с чемоданом; это такая сумка, в которой перевозят багаж, представляешь? С черным чемоданом. Я положил его на багажную полку, а теперь его там нет.

– Мне жаль, но я правда ничем не могу помочь. Я ничего не видела. – Она отходит за свою тележку, как будто прячась от его взгляда.

– Правда ничего не видела?.. Ясно.

Лимон проходит дальше и входит в четвертый вагон. Тихий воздушный свист, с которым двери разъезжаются в стороны, напоминает ему об однажды виденном фантастическом фильме – как будто он внутри космического корабля.

Пассажиров совсем немного. Лимон идет вдоль прохода, проверяя взглядом багажные полки наверху и пространства под сиденьями справа и слева. Полки почти пустые, и легко понять, что черного чемодана, который он ищет, там нет. Тем не менее он замечает

бумажный пакет на верхней правой багажной полке, который привлекает его внимание. Это довольно большой пакет на полке почти в самом центре вагона. Лимон не может рассмотреть, что там внутри, но думает, что, возможно, кто-нибудь мог положить их чемодан в этот пакет. Как только эта мысль приходит ему в голову, он действует без промедления и делает шаг к тройному ряду кресел, над которым лежит пакет. Занято только одно место у окна – там сидит мужчина, два других кресла свободны.

На первый взгляд мужчина кажется Лимону чуть старше, чем он сам, где-то около тридцати. Или, может быть, он студент старших курсов, хотя на нем обычный деловой костюм. Он читает книгу, обернутую в стандартную суперобложку из книжного магазина.

Лимон усаживается на место у прохода и поворачивается к мужчине.

– Эй, ты! – говорит он, опираясь правой рукой на подлокотник рядом с ним и наклоняясь к нему чуть не вплотную. – Что у тебя там? – Показывает пальцем на багажную полку.

Мужчине требуется некоторое время, чтобы понять, что с ним кто-то разговаривает. Наконец он отрывается от своей книги и поворачивается к Лимону, потом поднимает взгляд на полку.

– А, это... это просто бумажный пакет.

– Я и сам вижу, что это бумажный пакет. Что там внутри?

– В смысле?

– Мой чемодан пропал. Я знаю, что он до сих пор находится в этом поезде, так что я его ищу.

Мужчина пару секунд обдумывает эту информацию.

– Я очень надеюсь, что тебе удастся его найти. – Затем он понимает, что собирается сделать Лимон. – О нет, в моем пакете точно нет твоего чемодана. Я не брал его. У меня там только конфеты.

– Довольно большой пакет... У тебя там что, гигантские конфеты?

– Нет, просто их много.

Мужчина выглядит очень воспитанным и спокойным, и даже сейчас он как-то умудряется сохранять полную невозмутимость.

– Давай-ка на них посмотрим.

Лимон привстает и тянется рукой к бумажному пакету. Мужчина, сидящий у окна, не выказывает никаких признаков раздражения или обеспокоенности, он просто возвращается к своей книге. Похоже, на его лице даже появляется сдержанная улыбка. Его самообладание раздражает Лимона.

– Когда проверишь, я буду очень благодарен тебе, если ты положишь его на место.

Лимон стаскивает пакет с полки и заглядывает внутрь. Пакет действительно полон сладостей – видимо, купленных в магазинах на станции Токио.

– Это что, все подарки? Ты и впрямь накупил целую кучу!

– Было трудно выбрать, какие из них самые вкусные, поэтому я купил много разных.

– Эй, да какая кому разница, когда это *подарок*? Ты так серьезно к этому подходишь?

– Прости, я, наверное, больше ничем не смогу тебе помочь. – Мужчина вежливо улыбается. – Ты не положишь пакет обратно на полку?

Лимон встает и небрежно закидывает пакет обратно. Затем садится, на этот раз на центральное сиденье рядом с мужчиной. Он раскачивается взад и вперед, как ребенок на качелях.

– Мужик, ты реально не в курсе, где мой чемодан?

Тот смотрит на Лимона, но ничего не отвечает.

– Знаешь, большинство людей испугались бы или взбесились, если б рядом с ними неожиданно нарисовался незнакомец и начал бы рыться в их вещах. А ты сидишь такой весь спокойный, как будто ждал меня... Ты как преступник, у которого есть алиби, – не волнуешься, когда тебя допрашивает полиция, а? «О, ну что вы, господин детектив, я был в это время в баре с друзьями, что вы, что

вы, как вы могли подумать...» Так ведь, а? Ты точно знал, что отвечать на мои вопросы. Я прав?

– Абсурд, – сощурился, сердито отвечает мужчина.

В этот момент с книги, которую он читал, немного сползает суперобложка, и становится видно ее название: «Рестораны отелей». Книга с фотографиями блюд, которые готовят в ресторанах и буфетах отелей.

– Это прямо как в процессах над ведьмами: когда женщина отрицала, что она является ведьмой, судьи считали это неоспоримым доказательством ее вины. Ты полагаешь, что во мне есть что-то подозрительное, только потому, что я тебя не испугался? – Он закрывает свою книгу. – Конечно же, я был удивлен. Ты возник из ниоткуда, сел рядом со мной и вдруг потребовал, чтобы я позволил тебе заглянуть в мой пакет. Я был так потрясен, что просто не знал, как на это реагировать.

«Он точно не выглядит потрясенным», – думает про себя Лимон, но вслух произносит:

– А по жизни ты чем занимаешься?

– Я преподаю на подготовительных курсах к экзаменам. Правда, это совсем небольшие курсы.

– А-а-а, учитель, значит... У меня всегда были нелады с учителями. Не складывались отношения, знаешь ли. Но все учителя, с которыми я имел дело, меня побаивались. Ни один из них не вел себя так спокойно, как ты. Ты что, работал с трудными подростками или что-то в этом роде?

– Ты бы хотел, чтобы я тебя боялся?

– Нет, я совсем не то имел в виду.

– Я просто стараюсь быть нормальным человеком. Я не прилагаю специальных усилий, чтобы не бояться тебя. – Мужчина, кажется, немного растерян. – Но я не испуган, – продолжает он, – возможно, потому, что в прошлом мне приходилось участвовать в довольно опасных делах. Может быть, я просто привык и перестал на все так

остро реагировать. Это называется эмоциональным параличом. Десенситизация. Возможно, дело в этом.

– Опасных делах? – Лимон хмурится. – Тебя побил кто-то из твоих учеников?

Мужчина снова сощуривается, его лицо немного кривится, но затем озаряется широкой улыбкой, и он тотчас начинает выглядеть моложе.

– Моя жена погибла, я повстречался с несколькими плохими людьми, много чего произошло... Но, знаешь, – говорит он, и его голос снова звучит спокойно и вежливо, как прежде, – в слезах и сожалениях нет никакого смысла. Я просто стараюсь жить так, словно я жив.

– Жить так, словно ты жив? Что, черт возьми, это значит? Как же ты можешь жить иначе?

– Большинство людей живут довольно бесцельно, ты так не думаешь? Конечно, они болтают и развлекаются, но должно же быть что-то еще, я не знаю...

– Например, они должны еще выть на Луну? Что-то типа этого?

Услышав эти слова, его новый знакомый буквально сияет от радости и энергично кивает.

– Да, именно! Если выть на Луну, это определенно заставит тебя почувствовать себя живым. И еще есть много вкусной еды. – Он открывает свою книгу и показывает Лимону фотографию блюд, выставленных в ресторанном буфете.

Лимон не знает, что на это сказать, и вдруг понимает, что у него нет времени сидеть тут и болтать с этим парнем. Он поднимается с места и шагает в проход.

– Ты мне напоминаешь Эдварда, школьный учитель, – говорит он на прощание.

– Кто такой Эдвард?

– Это один из друзей Паровозика Томаса. Локомотив номер два. – Лимон тут же углубляется в описание персонажа: – Очень дружелюбный локомотив, ко всем очень добр. Один раз он помог

затащить Гордона на холм, а другой раз спас Тревога, которого чуть было не списали. Каждый на острове Содор^[29] знает, что может положиться на Эдварда.

– Вот это да! Ты выучил все это наизусть?

– Если бы на вступительных экзаменах спрашивали про Томаса, я поступил бы в Токийский университет.

С этими словами Лимон уходит и покидает четвертый вагон.

По пути он проверяет остальные багажные полки и багажное отделение между вагонами. Ничего.

Где-то в середине шестого вагона Лимон встречает мальчика.

Он его не видел – мальчик появился в проходе как будто из ниоткуда, – и внезапно они оказались нос к носу, разглядывающими друг друга. Мальчик выглядит как ученик средней школы, один из этих милых, аккуратно причесанных мальчиков, которые теперь повсюду. Ясные глаза, правильный нос – прямо как маленькая кукла, про которую сразу и не скажешь, мальчик это вообще или девочка.

– Тебе чего? – Лимон не уверен, как ему следует себя вести, чтобы этот ребенок понял, что он крутой парень и с ним лучше не связываться. Мальчик выглядит слишком опрятным, напоминает ему Перси, зеленого паровозика.

– Вы что-то ищете? Я видел, как вы заглядывали в туалет.

От мальчика веет уверенностью, словно он студент-отличник, и Лимон чувствует себя немного не в своей тарелке.

– Чемодан. Черный, примерно вот такого размера. Ты его видел? Нет, наверное?

– А, вот как... на самом деле я его видел.

– Ты серьезно? Видел его? – Лимон наклоняется к самому лицу мальчика.

Тот немного отодвигается, но он очевидно не напуган.

– Я видел кое-кого, кто нес в руках чемодан примерно такого размера. – Он показывает руками. – Черный чемодан, – и указывает пальцем в сторону первого вагона.

В этот момент поезд набирает скорость, и Лимон немного покачивается.

– Как он выглядит?

– Ну-у... – задумчиво говорит мальчик, дотрагивается пальцами до своего подбородка, склоняет набок голову и устремляет взгляд вверх, как будто старается вспомнить. Все это больше похоже на кривляние девчонки-подростка. – Так... ну на нем были темно-коричневые брюки и джинсовая куртка.

– Джинсовая куртка? А лет сколько?

– До тридцати или немного за тридцать. Думаю, примерно столько. А, да, и на нем были еще очки в черной оправе. Довольно симпатичный.

– Спасибо за наводку.

– Ну что вы, не стоит, – мальчик отмахивается от его благодарностей и улыбается ему такой лучезарной улыбкой, что она могла бы осветить весь вагон.

Лимон отвечает ему кривой усмешкой.

– Ты мне так мило улыбаешься потому, что у тебя сердце из чистого золота, или потому, что решил подшутить над взрослым, а?

– Ни то ни другое, – отвечает мальчик без тени колебания. – Просто я всегда так улыбаюсь.

– Хочешь, чтобы другие детки в синкансэне улыбались так же невинно, как ты, и глаза у них так же сияли?

– А вам нравятся синкансэны, да?

– Кому же они не нравятся! Ну вообще-то мне больше всего нравится пятисотая серия. Но «Хаятэ» тоже классные, кто ж спорит... Но если хочешь знать, какой поезд мне самому нравится больше всего, то я тебе отвечу, что это личный паровоз герцога и герцогини Боксфорд.

На лице мальчика отражается замешательство.

– Ты что, не знаешь Спенсера? Не смотрел «Томаса и его друзей»?

– Смотрел, когда был маленьким. Мне даже нравилось.

– Да ведь ты и сейчас маленький, – фыркает Лимон. – Выглядишь точь-в-точь как Перси!

Он направляется в следующий вагон, чтобы найти человека, которого описал мальчик, но останавливается, увидев электронное табло с бегущей строкой над дверями вагона. Бегущая строка коротко сообщает главные новости дня. Из токийского зоомагазина была украдена змея, по всей видимости редкая. Мотив неясен, но Лимон рассеянно предполагает, что, возможно, кто-то просто решил продать змею и выручить за нее хорошие деньги. Затем на табло появляется новая история: «Тринадцать погибших в результате перестрелки в районе Фудзисава Конго. Камеры наблюдения были выведены из строя».

«Так их было тринадцать?» Эта мысль не вызывает у Лимона никаких особенных чувств. В том подвале было довольно темно, так что он стрелял в одного вооруженного противника за другим и не мог сказать точно, сколько их там было на самом деле. Там все было в крови и кровавых ошметках, но теперь, когда об этом написано на информационном табло, все выглядит таким скучным...

– Серьезное дело, – говорит мальчик. Он стоит рядом с Лимоном и тоже, по всей видимости, читает новости на табло. – Целых тринадцать человек!

– Я уделал по крайней мере шестерых, а может, и больше. Мандарин разобрался с остальными. Их было не мало, но и не сказать, чтобы очень много.

– Что?

Лимон мгновенно раскаивается в том, что сказал то, чего говорить не следовало. Он тотчас пытается сменить тему:

– Эй, а ты в курсе, как эта штука правильно называется? Устройство для передачи информации и оповещения пассажиров. Знал это, а?

– Что, простите?

– Ну, эта штука, по которой новости показывают.

– А-а... – мальчик кивает. – Да, мне самому было интересно, откуда на ней появляются новости.

Лимон не может сдержать улыбку.

– Я тебе расскажу, – говорит он с энтузиазмом. – Есть два вида информации. Первую они передают с главного компьютера в кабине машиниста, а другая приходит из центрального депо в Токио. Ну, та, которая внутренняя, это всякие объявления типа «Мы прибываем туда-то», «Мы проезжаем сейчас такую-то станцию», всё в этом роде. А остальное – реклама там, новости, все вот это – транслируется из центрального депо. Каким образом, думаешь, на этих табло появляются сообщения о том, что где-то случился несчастный случай? Они всё это печатают в реальном времени в Токио и передают в синкансэны. Они также анализируют новости из шести главных газет и запускают их в ротацию на информационных табло. Это же просто потрясающе! И это еще не всё...

– Ой, кажется, мы загораживаем проход, – твердо говорит мальчик, возвращая Лимона с небес на землю.

Тележка останавливается прямо позади них. Увидев Лимона, проводница отшатывается, будто она не рада тому факту, что обнаруживает этого мужчину всюду, куда бы ни пошла.

– Но у меня еще так много всяких интересных вещей, которые я мог бы рассказать тебе!..

– Да, это правда очень интересно. Отличный рассказ. – Мальчик явно сомневается в собственных словах и не уверен, что еще к этому добавить.

– Тебе что, не нравится? Ты не думаешь, что это круто – ну, про устройство передачи информации и оповещения? Тебя это нисколько не трогает? – Лимон говорит совершенно серьезно. – Ну ладно тогда, в любом случае спасибо тебе за помощь. Если я найду чемодан, то это будет благодаря тебе. Когда встретимся в следующий раз, куплю тебе конфеты.

Божья Коровка

В сторону Нанао направляется пассажир. Это маленький мальчик в пиджаке. Нанао убирает мобильный телефон в задний карман брюк и старается успокоиться. Он прислоняет тело Волка к стеклу окна и понимает, что, если не будет поддерживать его, голова Волка будет болтаться во все стороны, как у сломанной куклы.

– У вас все в порядке? – вежливо спрашивает мальчик, останавливаясь возле Нанао. Видимо, учителя в школе говорили ему, что нужно помогать людям, оказавшимся в затруднительном положении. Правда, сейчас его помощь – последнее, что может потребоваться Нанао.

– О да, всё в порядке; просто мой приятель немного перебрал и у него кружится голова. – Нанао старается не говорить слишком быстро. Он слегка встряхивает тело. – Эй, проснись уже! Ты пугаешь детей!

– Вам нужна помощь, чтобы отвести его обратно на его место?

– Н-нет, нет-нет, всё правда в порядке. Мы отлично проводим время.

«И кто тут отлично проводит время, можно узнать? Я, что ли, обнимаясь с трупом в тамбуре синкансэна и придумывая небылицы?»

– А, вот как... – Мальчик опускает глаза. – О, кажется, тут кто-то что-то уронил.

Это билет на синкансэн. Возможно, билет Волка, упавший на пол.

– Извини, ты не можешь подать мне его? – спрашивает Нанао, подумав, что, с одной стороны, ему будет трудно самому наклониться, продолжая удерживать тело, а с другой – пусть мальчик поможет ему, если он испытывает потребность делать добрые дела для окружающих.

Тот поднимает билет с пола и протягивает его Нанао.

– Большое спасибо.

– Алкоголь – это просто ужасно. Дедуля, с которым я сегодня еду, тоже никак не может бросить пить, – беззаботно говорит мальчик. – Ну что ж, всего вам доброго! – И он поворачивается к входу в шестой вагон. Но в этот момент замечает чемодан, стоящий у двери напротив Нанао. – Это тоже ваше?

«В какую школу ходит этот ребенок?» Нанао хочется, чтобы он поскорее убрался отсюда, но мальчик, похоже, твердо решил оставаться рядом как можно дольше и помочь Нанао как можно больше. «Где детей учат быть такими любезными?» Несмотря на растущее беспокойство и раздражение, Нанао думает, что, если у него когда-нибудь будут дети, он отправит их учиться в ту же школу, где учится этот мальчик. Однако в данный момент даже встреча с таким воспитанным ребенком – еще одно свидетельство его вечного невезения, а энтузиазм и доброжелательность мальчугана – только результат неудачного стечения обстоятельств.

– Да, это тоже мое, но можешь не поднимать его. Я заберу его позже. – Он чувствует, что его тон становится жестче, и старается говорить мягко.

– Но, если вы оставите его здесь, кто-нибудь может его забрать, – мальчик настойчив. – Если дать слабину, кто угодно может воспользоваться этим в личных целях.

– Неожиданно, – Нанао произносит свою мысль вслух. – А я думал, тебя в твоей школе учат доверять людям. Человек по природе добр и все такое прочее...^[30]

– Почему вы так подумали? – Судя по его тону, лучезарно улыбающийся мальчик, похоже, знаком с тезисом об изначальной благодати человеческой натуры, и Нанао немного смущается. «А я об этой идее узнал совсем недавно, от Марии».

– Честно говоря, я затрудняюсь ответить почему. – «Просто мне показалось, что в твоей школе, наверное, должно быть полно таких воспитанных учеников».

– Я не верю в то, что люди рождаются изначально добрыми или злыми.

– Они просто впоследствии становятся добрыми или злыми, ты это имеешь в виду?

– Нет; я думаю, что добро и зло зависят от нашей точки зрения.

«Вот это ребенок!» Нанао чувствует себя так, будто его застигли врасплох. Вообще это нормально, когда ученик средней школы так разговаривает?

Мальчик снова повторяет свое предложение помочь с чемоданом.

– Всё в порядке, правда. – Если он будет продолжать настаивать, Нанао может потерять терпение. – Я позабочусь о нем.

– А что там внутри?

– Я не знаю.

Он дал честный ответ, потому что потерял самообладание, но мальчик смеется, видимо решив, что это шутка. Его зубы сверкают белизной – идеально ровные.

Мальчик, кажется, хочет сказать что-то еще, но, поколебавшись немного, вежливо прощается и уходит наконец в шестой вагон.

Когда за ним закрываются двери, у Нанао как будто гора с плеч падает. Он прижимает к себе мертвое тело Волка и делает шаг к лежащему на полу чемодану. Сначала ему нужно решить, что делать с телом, потом – что делать с чемоданом, и решить все это быстро. Хозяин чемодана, который едет в третьем вагоне, может, еще и не понял, что его багаж пропал, но когда он это поймет, то обыщет весь поезд от головы до хвоста. И если Нанао будет тут в открытую разгуливать с чемоданом, его, скорее всего, найдут.

Одной рукой обхватив труп, а другой сжимая ручку чемодана, он в панике озирается. Так, сначала тело, которое он, наверное, действительно должен посадить на его место. Его взгляд падает на мусорный приемник в стене тамбура. Там есть круглое отверстие для бутылок и банок, узкая щель для журналов и прочего бумажного мусора и большой клапан для всего остального. Затем Нанао замечает небольшую выпуклость на стене рядом со щелью для газет и журналов. Она выглядит как какой-то замок, но там нет отверстия для ключа, только маленькая круглая кнопка. Не успев толком

осознать, что он делает, Нанао дотягивается до нее рукой и нажимает. Из стены с тихим щелчком выдвигается округлая металлическая ручка. «И что это может быть?» Он поворачивает ее двумя пальцами.

То, что, как думал Нанао, было поверхностью стены, оказалось в действительности панелью, которая при повороте ручки открывается. Внутри обнаруживается довольно большое пространство, похожее на отсек камеры хранения, разделенное полкой на два уровня. В нижней части подвешен большой сверхпрочный пакет, набитый разноцветным пластиком, – так вот куда попадают выброшенные пассажирами пластиковые бутылки и другой мусор. А уборщики потом забирают накопленный мусор – открывая эту панель и заменяя пакет на новый.

Но гораздо интереснее для Нанао то, что верхняя полка пуста. Не задумываясь, он покрепче перехватывает тело Волка и одним движением забрасывает туда чемодан. Тот приземляется с грохотом. В следующее мгновение Нанао захлопывает панель и закрывает замок.

Такое неожиданное обнаружение тайника для чемодана его немного успокаивает. Затем, вернувшись мыслями к мертвому телу в его руках, он проверяет билет, подобранный для него мальчиком. Вагон номер шесть, первый ряд. Отлично, это ближайший ряд в ближайшем к нему вагоне. Просто идеально для того, чтобы посадить туда Волка, не возбуждая ничьих подозрений.

«Спасен! Мне наконец везет! – Но потом он мысленно добавляет: – Да ладно?»

Две счастливые случайности обычно вели в его жизни к какому-нибудь очередному грандиозному провалу. Он обнаружил панель мусороприемника и смог спрятать за ней чемодан – это раз. Место Волка находится совсем близко – это два. «Откуда же ждать неприятностей?!» Его чувство самосохранения готово закричать от отчаяния, но Нанао пытается успокоить себя тем, что эти два

счастливых совпадения в действительности следуют одно из другого, так что можно считать их за одно.

За окном проносится пейзаж. Огромные черные вороны на крышах строящихся зданий, ряды многоквартирных домов, следы от самолетов в небе – все появляется и пропадает почти мгновенно.

Нанао старается прислонить к себе тело Волка так, чтобы тот стоял как можно более прямо. Если он понесет на руках взрослого мужчину, это точно привлечет внимание, так что он решает, что они пойдут плечом к плечу, как будто тренируются в шуточной ходьбе на трех ногах. Он делает несколько неуверенных нелепых шагов. Да уж, естественным это точно не назовешь, но больше ему в голову ничего не приходит.

Двери в шестой вагон открываются. Нанао заходит в него и тотчас садится вместе с телом на левый двойной ряд кресел, мечтая о том, как бы поскорее спрятаться за их спинками и стать невидимым для других пассажиров. Он пристраивает Волка на место возле окна, а сам присаживается на место у прохода – на его счастье, оно оказывается не занято.

Наконец Нанао позволяет себе с облегчением вздохнуть. И в этот момент тело Волка накрывается и валится на него. Он в панике отталкивает его обратно к окну, пытаясь сложить руки и ноги покойника так, чтобы тело сохраняло как можно лучший баланс. За всю свою жизнь Нанао так и не сумел привыкнуть к виду мертвецов. Он старается прекратить его мотание из стороны в сторону в такт движению поезда. Сначала думает устроить его локоть на узкий подоконник, но Волк оказывается слишком низкорослым, чтобы его поза выглядела естественной. Спустя несколько секунд мучений и борьбы с собственным страхом Нанао наконец находит позицию, в которой тело как будто сидит спокойно, – но еще через пару мгновений оно съезжает вниз, подобно снежной лавине в замедленной съемке.

Нанао с трудом справляется с растущим внутри его бешенством и делает еще одну отчаянную попытку усадить Волка. Он наклоняет

его к окну и пытается представить все так, будто Волк задремал. Затем натягивает ему на глаза его плоскую кепку.

Звонит Мария. Нанао поднимается с места и возвращается в тамбур. Подходит поближе к окну и прижимает трубку к уху.

– Обязательно сойди в Омия.

Услышав эти слова, Нанао кисло улыбается. Какой смысл говорить ему об этом? «Она ради этого позвонила?»

– Как ты там? Наслаждаешься поездкой на синкансэнэ?

– У меня не было времени ею насладиться. Я был весь в хлопотах. Наконец посадил Волка на его место. Теперь все выглядит так, будто он спит. Чемодан я тоже спрятал.

– Какой ты умница!

– Ты ничего не знаешь про хозяина чемодана?

– Только то, что он в третьем вагоне.

– И больше ничего? Может быть, какие-нибудь особые приметы? Мне было бы намного проще, если б я знал, какого человека мне следует опасаться.

– Если б я что-то знала, то сказала бы тебе. Но это всё, правда.

– О, Дева Мария^[31], спаси меня!

Стоя вплотную к двери, Нанао отчетливо слышит шум и чувствует вибрации поезда, мчащегося по рельсам. Телефон прижат к его уху, лоб прижат к стеклу окна. Холодно. Он смотрит, как за окном одно за другим мелькают здания.

Открываются двери со стороны хвоста поезда, и кто-то заходит в тамбур. Нанао слышит, как открывается дверь туалета, но тот, кто в нее заходит, тотчас выходит обратно. Он слышит раздраженное цоканье языком^[32].

«Кто-то ищет что-то в туалете?»

Он решается взглянуть. Это мужчина, высокий и худощавый, в пиджаке, надетом поверх серой рубашки. Волосы растрепаны, как будто он только что встал с кровати. Агрессивный взгляд, словно мужчина готов ввязаться в драку с первым встречным. Нанао узнает его.

– Ну, как бы тебе сказать... – говорит он в трубку, стараясь, чтобы его голос звучал как можно естественнее, как будто он – обычный пассажир, разговаривающий по телефону и любующийся видами за окном. Нанао старается стоять к мужчине спиной.

– Что-то не так? – От внимания Марии не может ускользнуть внезапная перемена в его голосе.

– Я хочу сказать, ну, знаешь, это как, ну, короче... – Он тянет время, пока мужчина не заходит в шестой вагон и за ним не закрываются двери. – На поезде едет кое-кто, кого я знаю.

– Кто? Какая-нибудь знаменитость?

– Один из тех близнецов. Ну, ты понимаешь, о ком я говорю. Близнецы, которые занимаются той же работой, что и мы. Не Лайм и Лимон^[33], а...

– Лимон и Мандарин, – в голосе Марии появляется напряжение. – Они не близнецы. Всем кажется, что они похожи, так что их принимают за близнецов, но в действительности они совершенно разные.

– Какой-то из них только что прошел мимо меня.

– Не вдаваясь в подробности, Лимон – это тот, который любит «Томаса и его друзей», а Мандарин – серьезный парень, которому нравится читать романы. Лимон – типичный представитель третьей группы крови, а Мандарин – типичный представитель второй. Если б они поженились, это точно закончилось бы разводом.

– Никогда не умел определять группу крови человека с первого взгляда, – с напускной беззаботностью говорит Нанао, пытаясь скрыть свою нервозность. – Было бы гораздо проще, если б на нем была футболка с изображением паровозика. – Затем он дает волю своему нарастающему плохому предчувствию: – Ты не думаешь, что чемодан может принадлежать им?

– Возможно. И возможно также, что они сейчас не вдвоем. Бывали случаи, когда они работали поодиночке.

– Слушай, кто-то говорил мне прежде, что эти двое сейчас – самые серьезные и опасные люди в нашем деле.

Как-то раз Нанао встретился в ночном баре с одним известным посредником, который давно был в деле и знал немало сплетен. Раньше он брался за самые разные задания – заказные убийства и все в этом роде, – но потом располнел и утратил былую ловкость и скорость, устал от работы и занялся налаживанием связей. В те времена такая работа являлась все еще чем-то довольно новым, но он был надежным человеком, а благодаря хорошему характеру у него имелось полно полезных знакомств, и в результате он занял достойную нишу в бизнесе. С возрастом он еще сильнее поправился, так что оставить полевую работу было для него, пожалуй, самым правильным решением.

– Я всегда был хорош по части налаживания связей, – сказал он Нанао с гордостью. – Так что, думаю, я был просто создан для посреднической работы.

Это не показалось Нанао особенно интересным. Но затем мужчина предложил ему работу.

– Возьмешь задание не через Марию, а через меня? Потому что у меня есть для тебя отличная работа. Но есть хорошие новости и плохие новости.

Это была его обычная манера: он всегда сообщал о положительных и отрицательных сторонах задания.

– И какие новости хорошие?

– Эта работа очень хорошо оплачивается, и у тебя, Нанао, будет великолепный шанс проявить себя.

– А плохие?

– У тебя будут ужасные противники. Мандарин и Лимон. Хочу сразу предупредить тебя, что в нашем деле это самые лучшие исполнители. Если кто поручает им задание – он может быть уверен, что оно будет выполнено. Они самые безжалостные, самые жестокие и, вне всяких сомнений, самые опасные. Настоящие психи.

Нанао тогда отказался без лишних раздумий. Дело было не в том, что он не был готов работать с кем-либо, кроме Марии. Тот человек несколько раз повторил слово «самые», а это было на него не

похоже. И ему совершенно не хотелось вступать в противостояние с этими ребятами.

* * *

– Я правда не хочу связываться с этой парочкой, – чуть не плачет в трубку Нанао.

– Ты можешь не хотеть, но это их не остановит. Это точно их чемодан, – Мария говорит спокойно. – И потом, называть кого-то «номером один» в нашем деле – все равно что вручать «Оскара». Это вопрос чьих-то предпочтений; люди просто говорят, что им хочется. И потом, есть много кандидатов на эту премию. Ты ведь слышал о Толкателе? Ну, том самом, который толкает своих жертв под поезда и проезжающие машины и представляет все как несчастный случай. Некоторые считают, что он лучший в бизнесе. А одно время все говорили про Шершня...

Нанао известно это кодовое имя. Шесть лет назад Шершень прославился, проникнув в офис главы преступного мира Тэрахары и убив его. Он использовал отравленную иглу, которой колот людей в шею. Поговаривали, что в действительности Шершень – это два человека, работающих вместе.

– Но теперь никто больше не вспоминает про Шершня, верно? Мода на него прошла. Одно успешное громкое дело – и он исчез со сцены. Прямо как пчела, которая может ужалить всего один раз.

– Вот как...

– Бóльшая часть всех этих историй про суперпрофессионалов прошлого – всего лишь легенды, не более того.

Нанао вспоминает еще одну вещь, которую сказал ему тогда посредник:

– Я просто обожаю смотреть старые фильмы. Каждый раз думаю: как они умудрялись делать их такими классными, когда у них не было никакой компьютерной графики и спецэффектов? Взять хотя

бы немецкие немые фильмы – они такие старые, но при этом производят такое потрясающее впечатление!

– Вы не думали, что они производят такое впечатление именно потому, что такие старые? Как в случае с антиквариатом?

Посредник отрицательно покачал головой, придав этому простому жесту как можно больше театральности.

– Нет, нет. Это именно *вопреки* тому, что они старые. Посмотри «Метрополис»^[34]. Точно так же профессионалы прошлого были действительно крутыми. Они были более серьезными, более жесткими – это я хочу тебе сказать. Кости у них были крепче. Они были сделаны из другого материала, – он говорил с подлинной страстью. – И знаешь, почему они никогда не проиграют нынешним?

– Почему же?

– Потому что все они либо уже мертвы, либо отошли от дел. Так что они уже точно никогда никому не проиграют.

– Я мог бы догадаться, что вы это скажете.

Посредник величественно кивнул и углубился в истории о его друзьях, вошедших в легенды...

– Может быть, если я сейчас отойду от дел, – говорит Нанао в трубку, – тоже стану легендой?

– Точно станешь, – парирует Мария. – Ты войдешь в историю как человек, который не может выйти из поезда на станции Уэно.

– Я сойду в Омия.

– Конечно. Чтобы не стать человеком, который также не может выйти из поезда в Омия.

Нанао отключается и возвращается на свое место в четвертом вагоне.

Принц

– Эй, дедуля, – заговорщицким тоном говорит Принц. – Случилось кое-что интересное.

– Интересное? Так я тебе и поверил, – вызывающе отвечает Кимура. Он подносит свои связанные руки к лицу и почесывает нос большим пальцем. – Что, на тебя снизошло божественное откровение? Ты вдруг осознал, какой ты отвратительный ребенок? Какой плодотворный поход в туалет, надо же!

– Есть туалет прямо возле нашего вагона, но я пошел в противоположном направлении, так что мне пришлось пройти через шестой вагон, чтобы попасть в туалет между шестым и пятым.

– Ну что ж, даже его высочество Принц иногда совершает ошибки.

– Да, но мне всегда сопутствует удача... – Произнеся это, Принц задумывается – а действительно, почему ему всегда сопутствует удача? – Даже если я ошибаюсь, в итоге все складывается наилучшим для меня образом. Так что, хоть я и пошел в дальний туалет, в итоге все повернулось очень даже хорошо. Во-первых, по пути я встретил в тамбуре двух мужчин. Сначала я не обратил на них никакого внимания, просто зашел в туалет. Но когда возвращался обратно, они все еще были там. Один из них обхватил руками другого и поддерживал его, чтобы тот не упал.

– Если кого-то приходится так держать, значит, кто-то мертвецки пьян, – ухмыляется Кимура.

– Вот именно. Тот, который держал второго, именно так и сказал: «Мой приятель просто перебрал». Вот только мне так не показалось.

– Что ты имеешь в виду?

– Он не двигался и был без сознания, но от него не пахло алкоголем. Но главное – угол поворота его шеи не выглядел естественным, – нетерпеливо возражает Принц.

– Угол поворота его шеи?

– Тот парень, на котором были черные очки, делал все возможное, чтобы скрыть это, но я практически уверен, что у его приятеля была сломана шея.

– Ну, знаешь, – Кимура тяжело вздыхает. – Такого точно не может быть.

– Почему? – Принц смотрит мимо Кимуры в окно, наблюдая за проносящимся там пейзажем.

– Потому что если бы кто-то умер, здесь уже поднялся бы шум.

– Тот парень явно не хотел, чтобы поднимался шум, поэтому он придумывал отговорки одну за другой. Лгал мне прямо в лицо.

Он описывает Кимуре мужчину в черных очках. Тот выглядел добрым и спокойным, но предложение помочь ему отвести якобы пьяного приятеля на место его явно взволновало. Было очевидно, что он пытался сохранить маску невозмутимости, но внутри был в абсолютной панике. Принцу стало его почти жаль.

– И еще у этого мужчины был чемодан.

– И что, ты думаешь, он хотел засунуть мертвое тело в чемодан? – насмешливо спрашивает Кимура.

– О, это была бы отличная идея! Но, наверное, он туда не поместился бы. Тот парень, которого он держал, был довольно низкорослый, но не настолько, чтобы его можно было засунуть в чемодан.

– Пойди скажи об этом проводнику. «Тут у одного пассажира шея сломана, это нормально?» – так ему и скажи. А скидка на билет за сломанную шею полагается? Иди давай, выясни.

– Ну уж нет, – категорически отказывается Принц. – Если б я это сделал, они остановили бы поезд, и... – он задумывается на секунду. – Стало бы *скучно*.

– Уж конечно, никому здесь не хочется, чтобы его высочество заскучали. Ну и эгоист же ты...

– Я еще не дорассказал, – Принц ухмыляется. – Я уже шел обратно, но все никак не мог перестать думать об этом, так что

решил еще раз вернуться. В шестом вагоне я встретил еще одного мужчину. Он искал тот чемодан.

– И что?

– Он проверял проход между сиденьями, под сиденьями, багажные полки...

– И это был другой человек, не тот в черных очках с пьяным приятелем?

– Да, высокий, тощий, со злыми безумными глазами. Как мне показалось, он вообще не умеет сглаживать углы и в целом явно не выглядел как добропорядочный обыватель. Он спросил у одного из пассажиров: «Эй, ты! Что там в твоём пакете?» Странно, правда? Выглядело это так, будто он в отчаянии, и легко было понять, что он ищет тот самый чемодан.

Кимура делает вид, что зевает. «Дедуля тоже в отчаянии», – заметив это, холодно думает Принц. Не способный понять, о чем ему рассказывает Принц и какое это имеет отношение к его делам, этот человек чувствует все усиливающуюся обеспокоенность. Однако он не хочет, чтобы молодой противник заметил его обеспокоенность, поэтому делает вид, что зевает, чтобы скрыть свое участившееся дыхание. «Еще чуть-чуть», – думает Принц. Кимура уже на грани того, чтобы признать свое полное бессилие, отчаянность своего положения. Скоро он утратит почву под ногами и поймет, что кругом проиграл. «Еще совсем чуть-чуть...»

Людям необходимо самоутверждение.

Они не могут жить, не имея возможности сказать себе, что правы, что сильны, что у их жизни есть ценность. Так что, когда их слова и действия расходятся с их собственными представлениями о себе, они начинают искать оправдания, чтобы разрешить это противоречие. Родители, издевающиеся над своими детьми, священники, вступающие в запрещенные связи, политики, замешанные в грязных аферах, – все они придумывают для себя оправдания.

То же самое – с подчинением чужой воле. Это заставляет людей оправдываться и самоутверждаться. Чтобы избежать признания собственной беспомощности, собственной унижительной слабости, люди пытаются найти какую-нибудь причину случившегося. Они начинают думать что-нибудь вроде: «О, этот человек, должно быть, какой-то особенный, раз ему удалось разбить меня в пух и прах». Или: «Любой был бы беспомощен в такой ситуации». Все это немного утешает. Чем больше у человека уверенности в себе и самоуважения, тем больше его потребность твердить себе такие вещи. И как только он начинает это делать, расстановка сил определяется раз и навсегда.

После этого все, что тебе остается, – это сказать им два-три слова, нацеленных прямо в их гордость, и это окончательно раздавит их, а потом они будут делать все, что ты им прикажешь. Принц проделывал такое много раз со своими одноклассниками.

«На взрослых это работает точно так же, как на детях».

– В общем, один человек ищет чемодан, который сейчас у другого.

– Так ты должен сказать ему. Мол, «чемодан, который ты ищешь, у того парня в черных очках».

Принц бросает взгляд на двери вагона.

– Вообще-то я ему солгал. Человек в черных очках и с чемоданом позади нас, а я сказал тому, который ищет чемодан, что он в вагоне перед нами.

– И чего ты пытаешься этим добиться?

– Это всего лишь догадка, но я уверен, что в чемодане спрятано что-то ценное. Я имею в виду, если кто-то делает все, чтобы что-то найти, очевидно, что это что-то чего-то стоит.

Говоря, Принц вдруг понимает одну важную вещь: если мужчина, который ищет чемодан, шел в этом направлении, то есть в их сторону, то разве он уже не повстречался бы с мужчиной в черных очках? Значит, если черные очки не успел куда-нибудь спрятать чемодан, тот его сразу нашел бы, когда они столкнулись. Мог ли он

его пропустить? Или, может быть, парень в черных очках спрятался вместе с чемоданом в туалете?

– Думаю, это было во втором классе, – с улыбкой говорит Принц Кимуре.

Он улыбается так широко, что на его щеках появляются ямочки. Когда он так делает, взрослые всегда ошибочно предполагают, что он – невинный ребенок, что он совершенно безобиден, и теряют всякую осмотрительность. Он всегда рассчитывает на это. И действительно, лицо Кимуры как будто немного смягчается, когда он видит улыбку Принца.

– Тогда были очень популярны карточки с роботами, – продолжает Принц. – Все мои одноклассники их собирали. В супермаркете можно было купить такую карточку за сотню иен, но я не понимал, чему они все так радуются.

– Мой Ватару не может покупать себе карточки, так что он делает их сам. До слез трогательно, правда?

– Нисколько. – Тут ему даже лгать не нужно. – Но я, по крайней мере, это понимаю. Чем покупать карточки, напечатанные кем-то в коммерческих целях, гораздо лучше сделать свои собственные бесплатно. Твой сын хорошо рисует, дедуля?

– Совсем не умеет. Просто это трогательно до слез.

– Вот как, не умеет?.. Бездарность.

Мгновение Кимура смотрит на него с непониманием, затем взрывается запоздалой яростью в ответ на оскорбление его сына.

Принц всегда очень тщательно подбирает слова. Не имеет значения, жестокие это слова или слова утешения, – он никогда не произносит их, не оценив предварительно их воздействия на собеседника. Он всегда старается контролировать, что именно и как именно говорит. Он знает, что использование таких грубых слов, как «бездарность», «ничтожество», «дрянь» и других, в повседневном общении с друзьями устанавливает определенную иерархию и напряжение сил. Даже если нет никаких оснований называть что-то «бездарным» или «ничтожным», это все равно производит

впечатление. Сказать человеку что-нибудь вроде «твой отец такое ничтожество» или «у тебя такой вульгарный вкус» – это все равно что ударить в самую суть человеческой личности, туда, где ствол дерева растет из своего корня; и это эффективно.

На свете не так много людей с четко определенными духовными ценностями и принципами, обладающих *настоящей* уверенностью в себе и в том, чего они стоят. И чем человек моложе, тем более зыбки его ценности. Молодые люди всегда попадают под влияние своего окружения. Именно поэтому Принц при каждом удобном случае демонстрирует свою собственную уверенность, говоря с другими словами презрения и унижения и насмехаясь над ними. В большинстве случаев его субъективное мнение приобретает объективную силу, утверждая его превосходство. Окружающие думают: «Этот мальчик обладает собственным взглядом на мир, он знает, о чем говорит». Ему не нужно просить их, чтобы они так о нем судили, – они сами это охотно делают. Если ты занимаешь в какой-либо группе место лидера мнений, все остальное для тебя уже просто. В кругу друзей Принца нет свода правил, как в футболе или бейсболе, но все они подчиняются его приказам, как игроки на поле подчиняются рефери.

– Однажды я нашел такую карточку на парковке магазина. Упаковка была не вскрыта, так что, думаю, она просто выпала из грузовика при доставке товара. Как оказалось, это была очень редкая карточка.

– Его высочеству Принцу всегда везет...

– Именно. Мне очень повезло. Когда я принес карточку в школу, все эти юные коллекционеры чуть не запрыгали от радости и хором сказали: «А можно отдать ее мне?» Мне она была ни к чему, и сначала я просто собирался отдать ее кому-нибудь. Но слишком много людей хотели ее получить. Так что я не знал, кого выбрать, и тогда – честное-пречестное слово, я ничего не планировал заранее – не раздумывая, сказал им, что не могу отдать ее бесплатно. Как ты думаешь, что произошло дальше, дедуля?

– Ты устроил что-то вроде аукциона? Отдал ее тому, кто заплатил самую высокую цену?

– Какой же ты простачок, дедуля. Это так мило... – На сей раз Принц не утруждает себя тщательным подбором нужного слова. Ему нет дела до того, действительно ли сказанное Кимурой было «милым» или нет. Важно другое – что Принц дал ему оценку. Так что Кимура должен был почувствовать, что с ним обращаются как с ребенком. Теперь он будет мучительно размышлять, что же в нем такого детского, и не сможет отделаться от мысли, что его суждения могут быть или казаться инфантильными. «Неужели мои слова звучат как слова ребенка?», «В чем именно я веду себя как ребенок?» – будет без остановки крутиться у него в голове. И, конечно, он не найдет ответа на свой внутренний вопрос, потому что ничего такого «милого» или «детского» он в действительности не сказал. Так что он начнет думать, что ответ на его вопрос знает Принц, и постепенно начнет придавать большее значение его суждениям и оценкам.

– Тем не менее все это действительно выглядело как аукцион. Люди начали называть свою цену. Но кто-то из них сказал: «Послушай, Принц, а как насчет чего-нибудь помимо денег? Я сделаю все, что ты пожелаешь». В тот момент ситуация изменилась. Тот ребенок, должно быть, думал, что будет гораздо проще сделать что-то для меня, чем заплатить деньги. Может быть, у него просто не было денег. Но в тот момент все начали повторять это: «Я сделаю все, что ты пожелаешь». Тогда-то я понял: я могу использовать эту ситуацию, чтобы контролировать класс и погрузить его в хаос.

– Не сомневаюсь, что так оно и было.

– Заставить людей конкурировать друг с другом и мучиться взаимными подозрениями.

– Тогда-то ты и понял, что хочешь быть Принцем? Его высочеством Принцем, да?

– Тогда-то я понял, что люди хотят обладать вещами, и, если у тебя есть вещь, которую кто-то страстно желает получить, ты получаешь преимущество над этим человеком.

– Ты небось почувствовал себя тогда по-настоящему великим, а?

– Во все нет. Но я захотел узнать, насколько смогу влиять на жизни других людей. Как я уже говорил раньше, вопрос в рычаге воздействия: я могу надавить совсем немного и заставить кого-то впасть в депрессию, могу разрушить их жизни, прилагая минимальные усилия. Это просто потрясающе.

– Не могу согласиться. И что, это в итоге привело тебя к тому, что ты начал убивать людей?

– Даже если я никого не убиваю своими руками... Ну, например, представь, что я переболел гриппом и у меня все еще сохраняется тяжелый влажный кашель. Мне встречается на улице мамочка, которая катит перед собой коляску с младенцем, и когда она не смотрит, я наклоняюсь к ее ребенку и кашляю прямо на него.

– И что в этом такого особенного?

– Возможно, у ее ребенка еще нет прививки и он подхватит вирус. Мой небольшой кашель серьезно испортит ребенку жизнь, да и его родителям тоже.

– Ты правда когда-нибудь делал подобное?

– Возможно. Или, например, я прихожу на похороны и специально наталкиваюсь на родственников усопшего, которые несут его прах. Делаю вид, что я запнулся и упал. Повсюду рассыпается пепел, порядок церемонии нарушен, хуже не придумаешь... Такая маленькая простая вещь, но она оставит темное пятно на чьей-то памяти. Последнее прощание с дорогим родственником будет непоправимо испорчено. Никто ведь не подумает, что у ребенка мог быть злой умысел, так что никто не будет со мной слишком строг. Да и я слишком молод, чтобы меня наказали по закону. А это значит, что члены семьи, рассыпавшие драгоценный прах их родственника, будут еще сильнее грустить и мучиться совестью.

– Ты такое делал?

– Я сейчас приду. – Принц поднимается со своего места.

– Ты куда?

– Хочу попробовать найти чемодан.

* * *

Идя через шестой вагон в сторону хвоста поезда, он внимательно оглядывается вокруг. Мужчины в черных очках нигде нет. На похожих на ленточные конвейеры багажных полках под потолком лежат большие рюкзаки, бумажные пакеты и маленькие чемоданы, но нет ни одного, похожего на тот черный чемодан, который Принц видел раньше. Он уверен, что мужчина в черных очках сидит не дальше седьмого вагона, где едет он с Кимурой. Он был внимателен и не пропустил бы его, если б тот прошел через их вагон. Это значит, что он где-то дальше к хвосту, между пятым и первым вагонами.

Принц выходит из шестого вагона, погруженный в свои размышления.

В тамбуре тоже никого нет. Там два туалета, ближайший из них закрыт. Кто-то, по всей видимости, использует сейчас умывальник, расположенный напротив туалетов, потому что шторка задернута. Возможно, мужчина в черных очках прячется с чемоданом в туалете, собираясь сидеть там, пока синкансэн не прибудет в Омия. Это было бы неплохой идеей. Возможно, конечно, кто-нибудь мог бы пожаловаться на то, что туалет слишком долго занят, но сейчас в поезде не так много пассажиров, чтобы это действительно могло стать проблемой. Так что мужчина в черных очках вполне может быть там.

Принц решает немного подождать и посмотреть. Если тот, кто находится внутри, долго не будет выходить, он попросит персонал поезда открыть дверь. Он просто будет вести себя как примерный школьник, преисполненный добродетели и уважения к правилам: «О, простите меня, но туалет все время занят... Вдруг там произошло что-нибудь плохое?» Проводник наверняка тотчас согласится с ним и откроет дверь своим ключом.

Пока Принц стоит и раздумывает, шторка, за которой находится умывальник, резко отдергивается в сторону, и он вздрагивает от неожиданности. Перед ним стоит женщина, которая ласково на него смотрит и извиняется. «Простите, пожалуйста». Принц едва не извиняется в ответ, но вовремя себя останавливает. Извинения создают между людьми иерархические связи, так что он никогда не извиняется, если в этом нет необходимости.

Он смотрит, как женщина удаляется по проходу. На ней пиджак поверх платья, она среднего роста и сложения, на вид ей можно дать чуть больше двадцати пяти лет. Принц вдруг вспоминает своего классного руководителя, когда он учился в шестом классе. Фамилия у нее была то ли Сакура, то ли Сато, сейчас он уже не может вспомнить. Конечно, когда Принц учился, он помнил, как ее звали, но, как только год закончился, просто выбросил это из головы как бесполезную информацию. Классный руководитель – это всего лишь классный руководитель, не более чем должность. Все равно как игроки в бейсбол не утруждают себя запоминанием имен игроков из других команд, а просто называют их по номеру позиции.

– Имя и личность классного руководителя не имеют значения. Их убеждения и цели в основном одинаковы. Если попробовать разобраться в их человеческих качествах и образе мыслей, то в конечном итоге обнаружится, что все они на одно лицо. Все они хотят развить наши хорошие качества. Можно даже поставить эксперимент: мы делаем это – они совершают такое-то движение в ответ, мы поступаем так – они реагируют этак, можно потом даже график построить. Прямо как механические автоматы. Разве механическим автоматам нужны имена? – сказал он однажды своим одноклассникам.

Услышав это, большинство из них уставились на него в полном недоумении, промямлив только что-то вроде: «Ну да, да, конечно, имена школьных учителей, наверное, действительно не имеют никакого значения...» Им бы следовало поинтересоваться, не

считает ли Принц и их механическими автоматами, или хотя бы задуматься над этим, но ни один из них этого не сделал.

Его классный руководитель до самого окончания шестого класса была уверена, что Принц умный, ответственный мальчик, который мог помочь ей перекинуть мост через пропасть между учителями и учениками. Однажды она даже сказала ему с благодарностью: «Если б не ты, Сатоши, я никогда не узнала бы, что в нашем классе существуют издевательства».

Принц даже испытывал некоторую жалость к учительнице, считавшей его своим невинным маленьким союзником. Однажды он намекнул ей на то, что вовсе не тот, за кого она его принимала, написав доклад о книге про геноцид в Руанде^[35]. Принц всегда предпочитал художественной литературе книги по истории и мировой политике^[36].

Его учителя были поражены тем, что ученик средней школы прочитал подобную книгу. Они наперебой уважительно повторяли, что он читает книги не по годам сложные. Принц думал, что если он и был в чем-то особенно одарен, так это в чтении. Он прочитывал одну книгу, тщательно обдумывал ее, его словарный запас и знания росли, и он мог переходить к чтению чего-то более сложного^[37]. Чтение книг помогало ему облекать в слова человеческие эмоции и абстрактные идеи, благодаря чему Принц научился объективно рассуждать о сложных предметах. И когда он умело помогал другим обнаруживать свои страхи, беспокойства и тревоги, люди чувствовали себя обязанными ему и считали, что могут на него положиться.

Принц многое понял, читая про геноцид в Руанде.

Там сосуществовали две этнические группы, хуту и тутси. Во многом они были похожи друг на друга, и в межнациональных браках тоже недостатка не было. Разделение между хуту и тутси было исключительно искусственным, и конфликт возник не естественным образом, но лишь по воле человека.

В ходе гражданской войны, длившейся с 1990 года, когда в 1994 году был сбит самолет президента Руанды, хуту начали геноцид тутси. За последующие примерно сто дней, то есть немногим больше, чем за три месяца, около восьмисот тысяч человек были убиты; многие из них были зарублены с помощью мачете их же соседями, жившими с ними бок о бок многие годы. В период геноцида каждый день хуту убивали около восьми тысяч тутси, то есть каждую минуту в стране гибли пять-шесть человек.

Эти убийства мужчин и женщин, молодых и старых без всякого разбора не были какой-то страшной сказкой из далекого прошлого, – нет, все это произошло меньше двадцати лет назад^[38], и именно это больше всего завораживало Принца.

«Трудно поверить, что нечто настолько ужасное могло произойти, – написал он в своем докладе о книге, – и я думаю, что мы никогда не сможем забыть эту трагедию. Это не просто страшные события, произошедшие в какой-то далекой стране. Я понял, что все мы рано или поздно можем столкнуться лицом к лицу с собственной слабостью и хрупкостью». Он знал, что подобные общие фразы наилучшим образом подходили для подобных докладов. Поверхностные, совершенно бессмысленные и, несомненно, вызывающие согласие взрослых. Но все же он спрятал крупницу правды в последнее предложение.

Читая эту книгу, он понял, насколько легко людей можно столкнуть в пропасть безумия, и досконально разобрался в том, почему жестокость так трудно остановить, если она уже началась. Именно этот механизм жестокости, порождающей еще бóльшую жестокость, сделал геноцид возможным.

Например, США отказывались признать, что в Руанде происходит геноцид. Так, по крайней мере, было написано в книге. Правительство США отчаянно пыталось найти обоснования тому, почему это нельзя было назвать геноцидом, не желая смотреть в глаза очевидным фактам. И хотя постоянно сообщалось о растущем числе убийств тутси, Америка заняла уклончивую позицию, заявляя,

что вообще сложно определить, что такое геноцид, и трудно сказать, можно ли назвать происходящее настоящим геноцидом. Почему?

Потому что если бы они признали геноцид, то ООН бы потребовала от них определенных действий.

Но ООН вела себя ровно так же. Они просто ничего не делали.

Конструктивных действий от Америки ждали не только руандийцы. Большинство японцев считали, что, если там действительно есть какая-то серьезная проблема, то Америка и ООН с ней разберутся. Это похоже на чувства обывателя, который полагается на полицию, уверенный, что та со всем разберется. Однако в реальности США и ООН определяли свой политический курс исходя из соображений выгоды и возможных потерь, а не из принципов здравого смысла или моральных обязательств.

Принц интуитивно чувствовал, что ничто из этого не было уникальным для отношений Америки и маленького африканского государства. Все эти принципы без труда могли быть применены к его собственной школе.

Если в среде учеников возникает проблема – скажем, эпидемия жестоких издевательств, – можно сказать, что это такой легкий аналог геноцида, а учителя в этом случае выполняют роль США и ООН.

И точно так же, как США сопротивлялись признанию геноцида, так и школьные учителя не желали признавать проблему издевательств. Признание ее означало бы необходимость принятия мер с их стороны – иными словами, трату их времени и нервов.

Он подумал, что было бы интересно поставить эксперимент с участием учителей: указать им на то, что издевательства в классе вообще-то существуют, но они не представляют собой серьезной проблемы. Эту идею Принц почерпнул из главы, в которой было описано массовое убийство в руандийском столичном техникуме. Когда он читал об этом в первый раз, его буквально трясло от восторга.

В техникуме были размещены бельгийские миротворцы ООН, и среди тутси распространились слухи, что ООН защитит их от геноцида. Около двух тысяч тутси укрылись в техникуме, но, к несчастью для них, у солдат-миротворцев не было приказа их защищать, они должны были только помочь иностранцам эвакуироваться из Руанды. Более того, командование отдельно сообщило солдатам, что они не обязаны спасать тутси.

Это, конечно, стало большим облегчением для солдат ООН. Им не нужно было вмешиваться. Если бы они попытались защитить тутси, то, скорее всего, сами оказались бы в смертельной опасности. Все закончилось тем, что, когда хуту окружили техникум, миротворцы ООН заявили, что их миссия не предполагает прямого вмешательства, и отступили.

Две тысячи тутси, находившихся в техникуме, были немедленно убиты.

Присутствие солдат-миротворцев лишь увеличило количество жертв.

Просто невероятно.

Как бы ни вели себя ученики в классе, каждый из них в глубине души был уверен, что учителя обязательно позаботятся о поддержании порядка. Их родители думали схожим образом. Они доверяли учителям, полагались на них, и это давало им чувство ложной безопасности. Принц понимал – если он получит контроль над учителем, то легко сможет сделать невыносимой жизнь своих одноклассников.

И разработал последовательный план действий.

Сначала Принц сказал классному руководителю о возможных последствиях признания наличия в их классе издевательств. Он дал ей понять, что она сама может оказаться в опасности, если предпримет какие-либо решительные действия. После этого принялся одно за другим одобрять ее решения, утверждая, что все, что она делает, – это самое лучшее для ее учеников, хотя она не делала ничего конкретного.

Принц затронул эту тему и в своем докладе, упомянув о глупой и эгоистичной логике США и ООН. Если б не их поведение, геноцид можно было бы остановить. Он думал, что учительница сможет легко понять, что он делает, что в действительности он написал о ней, что она сообразит, насколько он опасен. Он дал ей в руки все ключи.

Но, само собой разумеется, она не воспользовалась ни одним из них. «Ты действительно прочитал такую сложную книгу, Сатоши? – сказала она с восхищением. – Когда происходят такие трагедии – это просто ужасно. Трудно поверить, что люди могут делать такое друг с другом, верно?»

Принц был разочарован.

Ему было нетрудно понять, почему геноцид мог произойти. Все потому, что люди принимали решения, исходя из собственных чувств. Но чувства – это именно то, что больше всего поддается влиянию извне.

В другой книге Принц прочитал об одном известном эксперименте, в котором участвовала большая группа людей. Им давали решать простую задачу, ответ на которую был очевиден: нужно было всего лишь сравнивать длину линий, нарисованных на карточках. Они отвечали по очереди, при этом каждый знал ответы других. Однако в действительности в каждой экспериментальной группе был только один настоящий испытуемый, а все остальные были проинструктированы давать неправильные ответы. Всего испытуемым задавали по три вопроса, причем подставные испытуемые могли отвечать на первые два правильно, а на третий давали заведомо неверный ответ. В результате три четверти настоящих испытуемых также давали по крайней мере один неправильный ответ, подчиняясь мнению большинства^[39].

Люди всегда соглашались с мнением большинства.

Было проведено несколько схожих экспериментов. В одном из них было определено, насколько зависимость от чужого мнения связана со сложностью решаемой задачи. «Ваш ответ очень важен,

но задача, которую вам предстоит решить, весьма сложная», – так было сказано участникам.

В таком эксперименте люди с еще большей охотой склонялись к чужому мнению.

Когда вопрос простой и на него легко ответить, проблемы не возникает. Люди склонны доверять собственным решениям.

Так же это относительно просто, когда уровень ответственности невысок. В этом случае люди без лишних колебаний дают правильный ответ.

Из всего этого Принц сделал соответствующий вывод: когда человеку нужно принять трудное и ответственное решение, он скорее поступится своими моральными принципами и объединится с неправым большинством, и даже убедит себя, что мнение большинства – единственно правильное. Даже если речь идет об ужасных и жестоких вещах.

На этом основывался механизм геноцида, который, начавшись, со временем только усиливался. Не способные принять и отстаивать собственное мнение люди просто слепо следовали «правильному» мнению большинства.

* * *

До него доносится звук слива воды в туалете. Дверь открывается, но из нее появляется мужчина средних лет в деловом костюме, который направляется к умывальнику. Принц быстро открывает туалет и заглядывает внутрь. Самый обычный туалет, ничего особенного, в узком пространстве стоит унитаз. Здесь точно негде спрятать чемодан. Следующим он проверяет соседний туалет – женский, но Принца это не останавливает.

Чемодана там тоже нет.

Принц в раздумьях склоняет набок голову. «Куда же он его засунул?» Чемодан слишком большой, чтобы поместиться под

сиденьем кресла. Его нет на багажных полках, и он не спрятан в туалете...

У Принца нет какой-то особенной причины, чтобы осматривать мусороприемник на стене, просто в других местах он уже все проверил. Он заглядывает в круглое отверстие для бутылок и банок и в щель для журналов, чуть ли не прижимаясь к ним лицом, хотя отлично знает, что никакими усилиями туда нельзя было бы запихнуть чемодан. Все, что он видит, это только использованные бутылки и контейнеры из-под еды.

Затем Принц замечает на стене небольшую выпуклость. Она совсем рядом с щелью для бумаги. *Любопытно*. Он нажимает на нее, и наружу с тихим щелчком выскакивает металлический штырек ручки. Не колеблясь, он поворачивает ее. От стены отходит панель, и, стоит Принцу заглянуть внутрь, как его сердце начинает биться учащенно. Он понятия не имел, что там есть дверца. За ней обнаруживается мешок с мусором, а над ним на верхней полке – черный чемодан. Вне всяких сомнений, это тот самый чемодан, который Принц видел, когда встретил человека в темных очках.

«Я нашел его». Он закрывает панель и устанавливает ручку в исходное положение. Затем медленно выдыхает. Не нужно торопиться. Едва ли мужчина в черных очках в скором времени достанет оттуда чемодан. Возможно, он думает, что может оставить его там до того момента, когда ему нужно будет сойти с поезда, и никто его до этого там не обнаружит.

«Становится все интереснее и интереснее».

Наслаждаясь ощущением своего очередного триумфа, Принц направляется обратно в седьмой вагон. «Я и вправду счастливчик».

Кимура

В памяти Кимуры одно за другим всплывают воспоминания, связанные с Принцем.

После той первой встречи в торговом комплексе он думал, что никогда больше не повстречает этого школьника.

Но не прошло и двух недель, как он снова встретился с Принцем, как будто его привела к нему какая-то невидимая сила.

В тот раз Ватару тоже был с ним. Это случилось неподалеку от станции, откуда они возвращались, проводив родителей Кимуры.

Родители приехали в Токио днем ранее на встречу выпускников своей школы и остановились в маленьком отеле поблизости от дома Кимуры. Когда Ватару вернулся из детского сада, они повели его в магазин игрушек, пообещав купить все, что он захочет. Ватару было несвойственно просить купить ему что-нибудь, поэтому он был несколько ошеломлен, когда дедушка и бабушка наперебой твердили ему: «Возьми это, возьми то!» Ему, кажется, вполне хватало воздушного шарика, который ему бесплатно подарил продавец. Кимура после этого получил очередной выговор от отца: «Он боится попросить купить ему игрушку, потому что ты никогда ему ничего не покупаешь! Бедный ребенок, о, бедный несчастный малыш!»

– Ватару всегда таким был, с самого рождения, – попытался объяснить Кимура, но отец его и слушать не захотел. Вместо этого он приплел его бывшую жену.

– Когда она заботилась о мальчике, его больше интересовали игрушки, как и положено маленькому ребенку! – безжалостно заявил он. – Она ушла потому, что ты такой невыносимый!

– Это неправда. Я уже говорил тебе. Она набрала кучу кредитов и сбежала.

– Она просто не могла вынести жизни с тобой и с твоим алкоголизмом!

– Я тогда так много не пил.

Это было правдой. Он всегда был немного безалаберным, но, когда жена от него еще не ушла, прекрасно обходился без алкоголя. Если б он тогда пил так, как сейчас, то не добился бы опеки над Ватару.

– Ну а сейчас ты только и делаешь, что пьешь.

– Ты только так говоришь, а сам ничего об этом не знаешь.

В ответ на это лицо его отца стало еще более суровым.

– Я могу сказать это, просто судя по твоему виду. И по твоему запаху.

Он всегда был таким, сколько Кимура его помнил. Заявлял, что может все сказать о человеке, едва взглянув на него, потому что «дурное не скроешь» и дурные намерения дурно пахнут. Кимуре это никогда не нравилось, и он отметал подобные суждения как предрассудки прошлого и стариковское ворчание. Старый друг его отца, Сигэру, в свое время часто заходивший к ним в гости, как-то раз сказал с кривой ухмылкой: «Кимура-сан вечно про кого-нибудь говорит: “От этого типа воняет, и от того тоже воняет”», на что мать Кимуры ответила: «Только каждый раз это он сам и напердел!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

INSPIRIA

КОТАРО ИСАКА

ПОЕЗД УБИЙЦ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЯПОНИИ

推理

ПРОДАНО ОКОЛО 1 000 000 КНИГ

 INSPIRIA

1

«Хаятэ» – название одной из линий синкансэнов (и, соответственно, самих поездов), которая входила в состав наиболее протяженной линии синкансэнов Тохоку с 1 декабря 2002 г. до 16 марта 2019 г., после чего была заменена синкансэнами «Хаябуса». – *Здесь и далее прим. пер.*

[Вернуться](#)

2

В японском языке поезд, направляющийся в столицу, называется нобори-дэнся – то есть буквально «поднимающийся (в гору) поезд», а едущий из столицы в другой город или в пригород – кударидэнся – буквально «спускающийся (с горы) поезд».

[Вернуться](#)

3

Лимон имеет в виду синкансэн го-хяку кэй дэнся, поезд 500-й серии, с характерными светло-голубыми вагонами, введенный в эксплуатацию в 1997 г. На момент начала их использования это были наиболее дорогие, быстрее и мощнейшие составы, развивавшие скорость до 300 км/ч (при проектной скорости 320 км/ч), с компьютерным управлением ходовой части для обеспечения более плавной и безопасной езды. Из-за их высокой стоимости было построено всего девять таких поездов. После ввода в эксплуатацию более современных и мощных синкансэнов 700-й серии (с 1 июля 2007 г.) количество синкансэнов 500-й серии постепенно сокращалось.

[Вернуться](#)

4

Фудзисава Конго – один из окраинных районов города Иокогама. Через Иокогаму и Фудзисава Конго проходит линия синкансэнов Токкайдо: от центра Токио до Иокогамы ехать на синкансэне около 20 минут в зависимости от выбора станции, – соответственно, до Фудзисава Конго от Токио можно добраться примерно минут за 40.

[Вернуться](#)

5

«Томас и его друзья» – британский детский мультипликационный сериал для самых маленьких, снятый по произведениям «The Railway Series» писателей У. Одри и его сына, К. Одри. В Японии сериал под названием «Паровозик Томас» обрел популярность в 1990 г., а в 2020 г. было отпраздновано тридцатилетие его трансляции.

[Вернуться](#)

6

Акутагава Рюноскэ и Кадзии Мотодзиро – классики японской литературы начала XX в. Упоминание последнего, очевидно, не случайно: сборник рассказов, опубликованный в 1925 г. и принесший ему известность, назывался «Лимон».

[Вернуться](#)

7

Рэйдзё – почтительное обращение к девушке. Название компании можно примерно перевести как «Дева» или «Леди».

[Вернуться](#)

8

Мориока – административный центр префектуры Иватэ, самой большой префектуры региона Тохоку.

[Вернуться](#)

9

«Чтобы выполнить это поручение, нужно было поломать себе кости» – искаженное расхожее выражение «работа, которая ломает (тебе) кости» (о тяжелой, почти невыполнимой работе).

[Вернуться](#)

10

Интересно, что имя героини романа читается по первым слогам прочтения иероглифов так: «макото» (правда), «ри» (жасмин) и «а» (предлог под-, в данном случае просто фонетик).

[Вернуться](#)

11

Так называемые «зеленые окна» – кассы, в которых можно оформить проездные билеты на поезда линии JR (Japan Railways), купить билеты на синкансэны и получить необходимую консультацию. «Зеленые окна» можно встретить не только на железнодорожных станциях и вообще в различных организациях, но главным образом они ассоциируются именно с линиями JR – крупнейшим внутренним перевозчиком в Японии.

[Вернуться](#)

12

Кэмпо – термин, объединяющий различные боевые искусства. Происходит от слов «кэн» – кулак и «по» – метод.

[Вернуться](#)

13

Несмотря на то что между станциями Токио и Уэно, расположенными на линии Яманотэ, находятся еще три станции – Канда, Акихабара и Окатимати, – а длина пути составляет 3,6 км, синкансэн преодолевает это расстояние ровно за пять минут.

[Вернуться](#)

14

Зеленые вагоны – вагоны бизнес-класса на линии JR.

[Вернуться](#)

15

Около 3500 тыс. рублей по среднему курсу 2010 г. (год первой публикации романа в Японии); соответственно, 1000 иен равнялась тогда примерно 350 рублям.

[Вернуться](#)

16

«Семь инструментов простого народа» – старинное, пришедшее из буддизма понятие о том, какие семь вещей необходимо иметь при себе при совершении тех или иных действий. Так, например, в бане нужно иметь дрова для растопки, чистую горячую воду, специальный

порошок из растертых бобов для умывания, крем для кожи, древесную золу для мытья волос, зубочистку и легкое банное кимоно – юкату. Перечисления вещей можно найти в различных сутрах.

[Вернуться](#)

17

Комбини (сокр. от комбиниэнсу сутао, от англ. convenience store) – «магазин у дома», или «магазин шаговой доступности», где продаются товары первой необходимости (или так называемые товары повседневного спроса) – в основном разнообразные готовые продукты, канцелярия, некоторые безрецептурные лекарства и т. д.

[Вернуться](#)

18

В японском языке есть специальный термин *ханкагай*, под которым подразумевается район в центре города, где находится большое количество магазинов, ресторанов и баров. Нередко сами японцы называют ханкагай «районом красных фонарей», однако по-настоящему значимые места в нем возможны, но вовсе не обязательны.

[Вернуться](#)

19

В японском языке есть идиоматическое выражение *кокоро но кидзу*, что буквально означает «рана на сердце» (при этом имеется в виду незалеченная психологическая травма).

[Вернуться](#)

20

Вирджиния Вулф (1882–1941) – британская писательница, одна из ведущих фигур модернизма. В результате продолжительной депрессии, вызванной в том числе внешними обстоятельствами, покончила с собой, набив карманы своего пальто камнями и утопившись в реке Уз.

Юкио Мисима (1925–1970) – японский писатель, один из наиболее значительных японских авторов второй половины XX в. Покончил с собой, совершив харакири, после неудавшейся попытки государственного переворота.

[Вернуться](#)

21

В оригинале Лимон произносит весьма емкую пословицу: *моти ва моти-я*, которая дословно переводится как «моти (то есть рисовое тесто) – забота (хозяина) лавки, где продают моти», и имеет значение «пусть каждый занимается своим делом».

[Вернуться](#)

22

Комати – так же как и Хаятэ, одна из линий синкансэнов Тохоку. Была введена в эксплуатацию в марте 1997 г.

[Вернуться](#)

23

В оригинале отношения Лимона к способностям своего напарника выходить из затруднительных ситуаций и принимать ответственные

решения описаны емким идиоматическим выражением *тарики-хонган*, означающим «спасение верой в будду Амиду».

[Вернуться](#)

24

«Самовзрывающийся пистолет» пишется как *бо: хацу кэндзю*.; в связи с чем увлекающийся поездами Лимон вспоминает фильм «Поезд-беглец» (1985 г., реж. А. Кончаловский), название которого в японском переводе начинается тем же иероглифом: *бо: со: киканся*.

[Вернуться](#)

25

Тоётоми Хидэёси (1536 либо 1537–1598) – японский военный и политический деятель, один из объединителей Японии; Акэти Мицухидэ (1528–1582) – самурай, деятель периода Сэнгоку в истории феодальной Японии. Хидэёси и Мицухидэ были ближайшими сподвижниками даймё Оды Нобунаги (1534–1582), одного из наиболее выдающихся военно-политических лидеров Японии. Мицухидэ предал Нобунагу и вынудил того совершить сэппуку, но Хидэёси отомстил за гибель своего суверена и в битве при Ямадзаки разбил войско Мицухидэ. Последний также погиб в сражении.

[Вернуться](#)

26

В оригинале имеет место игра слов: имя «Сигэру», которое при одинаковом чтении записывается разными иероглифами, созвучно мужскому имени Сигэтака, которое, в свою очередь, созвучно японскому названию кондора – *хагэтака*. Работники называют

своего начальника Сигэтакой вместо Сигэру, по созвучию с названием хищной птицы.

[Вернуться](#)

27

Как у большинства японских имен, у имени Оджи существует большое число вариантов записи разными иероглифами (порядка тридцати), но имя Принца состоит из иероглифов «царь / правитель» и «ребенок».

[Вернуться](#)

28

Дораэмон – главный герой одноименной популярной детской манги в 45 томах, издававшейся с 1969 г., и многосерийного анимэ; синий кот-робот, прибывший из XXII века, чтобы помочь школьнику Нобита Ноби.

[Вернуться](#)

29

Остров Содор – вымышленный британский остров, где проходят основные события мультсериала «Паровозик Томас». Он находится в Ирландском море, между Великобританией и о. Мэн.

[Вернуться](#)

30

Можно подумать, что Нанао имеет в виду высказывание французского философа Жан-Жака Руссо «Человек по натуре своей добр, и только общество делает его плохим», лучше известное в

виде максимы «Человек по природе добр». В действительности же он говорит о «тезисе об изначальной благодати человеческой природы» (сэйдзэнсэцу), сформулированном китайским конфуцианским философом Мэн-цзы в III веке до н. э. В противоположность ему философом Сюнь-цзы был выдвинут «тезис об изначальной порочности человеческой природы» (сэйакусэцу).

[Вернуться](#)

31

Любопытно, что в данном случае используется не иероглифическое начертание имени Марии, а запись слоговой азбукой катаканой с уважительным суффиксом Мария-сама, поскольку в современном японском языке при записи иностранных слов и имен используется именно катакана.

[Вернуться](#)

32

В японских фильмах, анимэ и манге можно нередко встретить этот звук, который обычно транслитерируется как «тц!», а по-японски называется съта-ути, «щелканье языком». Он считается весьма неприличным и приравнивается к ругательству.

[Вернуться](#)

33

В действительности то, что говорит Нанао, не поддается адекватному переводу. Буквально он произносит «Цзилинь и Лимон» или «Кирин и Лимон», имея в виду цзилиня – мифическое существо из китайской мифологии, в чем-то схожее с единорогом и живущее не менее 2000 лет. Слово «кирин» созвучно японскому

«рэмон», лимон. Возможно, ему также приходит на ум аналогия с лимонным пивом «Кирин». Имена Мандарин и Лимон звучат по-японски как Микан и Рэмон и выбраны не по созвучию, но по соответствию характерам персонажей: Мандарин – сладкий и приятный, Лимон – кислый и терпкий.

[Вернуться](#)

34

Имеется в виду немой художественный фильм режиссера Ф. Ланга по роману Теи фон Харбоу, снятый в 1927 г. «Метрополис» – эпическая научно-фантастическая антиутопия, ставшая высшей точкой и завершением развития немецкого киноэкспрессионизма. Считается одним из величайших немых кинопроизведений в истории.

[Вернуться](#)

35

Геноцид в Руанде, или геноцид против тутси, – массовое убийство представителей народа тутси местными хуту, происходившее с 6 апреля по 18 июля 1994 г. В ходе этих событий погибло по разным подсчетам от 500 тыс. до 1 млн человек, что составило около 20 % от всего населения страны. В данном случае имеется в виду конкретная книга руандийца Пола Русесабаджины «Обычный человек» (Paul Rusesabagina, *An Ordinary Man: An Autobiography*, 2006), а также, очевидно, его же книга «Отель Руанда, или Геноцид тутси, как он виден из Голливуда» (*Hotel Rwanda or the Tutsi Genocide as seen by Hollywood*, 2008). На русский язык книги до настоящего времени не переводились, в японском переводе были опубликованы в 2009 г.

[Вернуться](#)

36

Котаро Исака приводит список конкретных книг, из которых Принц почерпнул свои идеи (естественно, в переводах на японский). Это: Dan Gardner, Risk: The Science and Politics of Fear (2008) // на русский язык книга до настоящего времени не переводилась, в японском переводе была опубликована в 2009 г.; Mark Buchanan, The Social Atom: Why the Rich Get Richer, Cheaters Get Caught, and Your Neighbor Usually Looks Like You (2007) // на русский язык книга до настоящего времени не переводилась, в японском переводе была опубликована в 2009 г.; Carol Tavris, Elliot Aronson. Mistakes were made (but not by Me): Why we justify foolish beliefs, bad decisions, and hurtful acts (2007) // в русском переводе: Эллиот Аронсон, Кэрол Теврис «Ошибки, которые были допущены (но не мной): почему мы оправдываем глупые убеждения, плохие решения и пагубные действия» (2012), в японском переводе была также опубликована в 2009 г.

[Вернуться](#)

37

Русскоязычному читателю это замечание может показаться само собой разумеющимся, но речь в данном случае идет об иероглифике. После окончания школы выпускник должен знать необходимый минимум – 2136 иероглифов, но для того, чтобы читать сложную художественную и тем более специальную литературу, этого, конечно, недостаточно. Учась в средней школе, Принц прошел по школьной программе и того меньше, но благодаря постоянному чтению его иероглифический запас существенно превосходит таковой у его одноклассников.

[Вернуться](#)

38

Роман Котаро Исаки был опубликован в Японии в 2010 г.

[Вернуться](#)

39

Принц читал о так называемых «экспериментах на конформность», выявляющих степень зависимости индивидуального мнения от мнения большинства, и классических экспериментах Аша (Asch Conformity Experiments), демонстрирующих власть конформизма в группах. Результаты этих экспериментов были опубликованы в 1951 г. В ходе исследований, проводившихся психологом С. Ашем, студентов просили поучаствовать в «проверке зрения». В действительности цель исследования заключалась в проверке реакции одного студента на ошибочное поведение большинства. Как правило, в экспериментах все участники, кроме одного, были «подсадными утками». В контрольную группу «подсадные утки» не входили. Участники (испытуемый и семь «подсадных уток») были усажены в аудитории. Им демонстрировались по порядку две карточки: на первой была изображена одна вертикальная линия, на второй – три, только одна из которых такой же длины, что и линия на первой карточке. Задача студентов была довольно проста – необходимо было ответить на вопрос, какая из трех линий на второй карточке имеет такую же длину, что и линия, изображенная на первой карточке. Испытуемому студенту предстояло просмотреть 18 пар карточек и, соответственно, ответить на 18 вопросов, и каждый раз он отвечал последним в группе. На первые два вопроса все давали одинаковые, правильные, ответы. Но на третьем этапе «подсадные утки» давали один и тот же неправильный ответ, что приводило испытуемого в замешательство. Если испытуемый отвечал правильно, не соглашаясь с мнением

большинства, то он испытывал чрезвычайный психический дискомфорт. Как правило, в каждом эксперименте на 18 вопросов 12 раз все «подсадные утки» отвечали неправильно, но в некоторых случаях один или несколько подставных участников были проинструктированы отвечать правильно на все 18 вопросов. В итоге 75 % испытуемых подчинились заведомо ошибочному представлению большинства, по крайней мере, в одном вопросе. Общая доля ошибочных ответов составила 37 %, в то время как в контрольной группе один ошибочный ответ дал только один человек из тридцати пяти. Когда же «заговорщики» не были единодушны в своем суждении, испытуемые гораздо чаще не соглашались с большинством. Когда независимых испытуемых было двое или когда один из подставных участников получал задание давать правильные ответы, количество ошибок падало более чем в четыре раза. Когда кто-то из подставных давал неверные ответы, но также не совпадающие с основным, ошибка также сокращалась до 9–12 % в зависимости от категоричности «третьего мнения».

[Вернуться](#)